

К 44 $\frac{9}{40}$
Н. КРАШЕНИННИКОВЪ

ВОСЕМЬЛЕТЬЕ

ВОСПОМИНАНІЯ О ГИМНАЗИИ

1907

МОСКВА.

Н. КРАШЕНИННИКОВЪ.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГИМНАЗИИ.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

I.

Въ пансіонѣ.—Первыя впечатлѣнія.—Воспитатель, дядька, товарищи.—
Вечеръ и ночь.

Помнится, часы пробили пять. Осенній сумракъ хмурился за окнами, въ стекла билъ дождь, хлестались продрогшія вѣтви деревьевъ.

— Пора идти!—сказалъ я матери неестественно спокойнымъ голосомъ и поднялся со стула. Поднялись и мать, и два брата. Старшій, двѣнадцатилѣтній Александръ, какъ-то мгновенно посмотрѣлъ на меня съ недовѣрчивымъ удивленіемъ и отвернулся. По глазамъ его я понялъ, что онъ видитъ, какъ я храбрюсь, и ему меня жалко. Маленькій, девятилѣтній Володя, просто-напросто заплакалъ. Ему было жаль разставаться со мной, соучастникомъ его игръ, было жалко отпускать меня въ чужой пансіонъ.

Уходить мнѣ пришлось одному. Володя учился еще дома,

а старшій, хотя уже и состоялъ первоклассникомъ, но былъ приходящимъ. Меня же оказалось возможнымъ помѣстить на казенный счетъ въ пансіонъ и, по обстоятельствамъ, пришлось этимъ воспользоваться. Помню, мать тихо склонилась надо мной и, пряча лицо, торопливо перекрестила. Громко вздохнулъ стоявшій въ темномъ углу старый красноносый поваръ Александръ, бывшій нашъ крѣпостной и оставшійся у насъ по объявленіи воли.

Почему-то больше всего на меня подѣйствовалъ вздохъ этого Александра. Въ горлѣ защекотало, зачесались глаза и, чтобы скрыть волненіе, я крикнулъ преувеличенно-развязно и громко:

— Такъ вотъ я и пойду!

Братъ Александръ улыбнулся, не то удивляясь мнѣ и не вѣря, не то готовый расплакаться и самъ.

— Пойдемъ, Александръ,—обратился я къ повару.—Надо спѣшить.

Александръ повернулся къ двери. Бумажный свертокъ съ сладкими пирожками выскользнулъ изъ его рукъ, варенье растеклось по полу... Я перешагнулъ черезъ пирожки и вышелъ въ прихожую.

— Прощай, Павликъ!—крикнула мнѣ мать, когда пирожное съ грѣхомъ пополамъ опять увязали.

— Прощай, Павликъ!—повторилъ старшій Александръ.

— Прос-тяй... Павликъ!—крикнулъ и Володя.

Я быстро шелъ по улицѣ; въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ меня, все такъ же вздыхая, шелъ съ пирожками въ рукахъ древній поваръ Александръ. Когда я, въ полумракѣ, оглядывался на него, мнѣ видѣлась только пушистая вѣрообразная бѣлая борода да чудовищная шапка, нахлобученная на уши. Такъ какъ было темновато, то я не сдержался и всплакнулъ. Тѣмъ болѣе, что было это незамѣтно: моросилъ дождь.

Идти было не такъ далеко. Сначала мы шли по переулкамъ и были одни, потомъ выбрались на главную улицу, гдѣ находился пансіонъ, и затерялись между пѣшеходами.

Чтобы меня не толкнули, Александръ пошелъ рядомъ со мной. Онъ долго молчалъ, потомъ сказалъ угрюмо и неохотно:

— А маменька теперь навѣрное плачутся...

Я вздрогнулъ и чуть не заревѣлъ на всю улицу.

— Какой ты странный, Александръ,—сказалъ я дрожащимъ голосомъ, силясь не выдать себя.—Съ чего же ей плакать? Не на все время я ушелъ... а вотъ будетъ воскресенье, приду къ вамъ въ отпускъ.

— Такъ-то такъ,—согласился Александръ.—Только...

Онъ хотѣлъ что-то прибавить, но мы уже подошли къ пансіону. Голосъ его оборвался, и онъ безнадежно махнулъ рукой.

Со страхомъ дотронулся я до дверной скобы, съ усиленіемъ раскрылъ дверь, и сейчасъ же съ визгливымъ грохотомъ она захлопнулась. Еле переставляя ноги, поднимался я по скользкимъ плитамъ каменной лѣстницы.

У дверей на табуретѣ сидѣлъ черноволосый швейцаръ. Онъ уже видѣлъ меня, когда я приходилъ сюда вмѣстѣ съ матерью.

— Ваша клѣтка вотъ здѣсь,—сказалъ онъ мнѣ, введя въ прихожую, увѣшанную гимназическими пальто.

Помню, меня поразило тогда слово „клѣтка“. Оказалось, клѣтка была у каждаго пансіонера и находилась въ ней шапка, а въ осень и зиму—еще сѣрый башлыкъ.

— Для пальто у васъ вотъ мѣсто, а для фуражки—вотъ, указывалъ мнѣ швейцаръ. И надъ крючкомъ для пальто и надъ клѣткой для фуражки я увидѣлъ приклеенныя бумажки, на которыхъ была написана моя фамилія.

Раздѣвшись, я вышелъ опять въ коридоръ и оглянулся. Сердце сжалось въ комочекъ. Въ углу, у окна, съ пирожками въ рукахъ одиноко и сконфуженно стоялъ поваръ Александръ. Въ немъ было единственное, что казалось своимъ; все остальное: высокія лѣстницы, желтыя стѣны, громадныя окна, воспитательскіе зонтики и пальто,—все казалось страшнымъ и чужимъ.

— Ты что, Александръ?—Я подошелъ къ нему.

Вмѣсто отвѣта онъ протянулъ мнѣ сѣрый пакетъ.

— Вѣдь у васъ есть свой сундучокъ!—сказалъ мнѣ швейцаръ.—Туда и заприте. Пойдемте, я покажу.

— Ну, прощай,—тихо шепнулъ я Александру и пошелъ. Тотъ не двинулся.

Швейцаръ ввелъ меня въ свою комнату, гдѣ подлѣ его кровати у стѣны была цѣлая гора сундуковъ, сундучковъ и сундучочковъ. На большихъ стояли средніе, на среднихъ маленькіе, на тѣхъ—самые крохотные... и около замковъ однообразно бѣлѣли бумажки съ надписями: „Ивановъ 2-ой, Пищалкинъ, Поповъ, Голенкинъ I-ый, Сидорчукъ“.

Отыскавъ свой сундучокъ, въ которомъ лежали карандаши, конверты и ящикъ съ красками, я быстро сунулъ туда пирожки и заперъ шкатулку. Въ комнатѣ швейцара было темно и жутко.

— Теперь явитесь къ воспитателю,—сказалъ мнѣ швейцаръ.—Сначала идите прямо, налѣво—вторая комната.

Еле передвигая ноги, побрелъ я по безконечно длинному коридору, освѣщенному лампами, привѣщенными къ потолку. Огромные бѣлые абажуры казались надъ ними зонтиками; кое гдѣ лампы чадили, пахло керосиномъ. По дорогѣ попалось мнѣ нѣсколько гимназистовъ, шедшихъ парами; одни смѣялись и не взглянули на меня, другіе, поменьше, осматривали меня съ любопытствомъ и шептались:

— Новенькій! Новенькій!

Безконечно жалкимъ и маленькимъ казался я себѣ тогда, самъ бывший ростомъ съ аршинъ, одѣтый въ длинную казенную блузу. Стѣны были высоки и давили; раздѣленные пополамъ,—снизу желтыя, вверху бѣлыя,—онѣ наводили на душу нестерпимое уныніе.

Отсчитавъ вторую налѣво комнату, я вошелъ въ нее и сначала въ ней никого не замѣтилъ. Были въ ней только: скамья, два стула, столъ и какія-то растенія у окна. Потомъ у самой двери, за печью, замѣтилъ я еще столъ. За нимъ сидѣлъ худощавый человѣкъ съ желтымъ лицомъ, въ вицмундирѣ съ блестящими пуговицами. Я поклонился какъ умѣлъ и протянулъ воспитателю „отпускной билетъ“. Искося онъ поглядѣлъ на меня и сказалъ не сердито:

— Новенькій, а опаздываешь. Это нехорошо.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери и крикнулъ:

— Лаврентій!

Высокій, тучный, пожилой и бритый человѣкъ съ бѣлой колючей щетиной на подбородкѣ появился въ дверяхъ. Носъ у него былъ толстый, малиновый и похожій на сливу; глаза и брови—блестящіе и черные. На концѣ носа сверкали очки.

— Вотъ, Лаврентій,—воспитатель кивнулъ на меня головой,—новичокъ, изъ приготовительнаго. Укажите ему все да завтра остригите.

Онъ наклонился къ столу и началъ что-то писать.

— Ну, пойдѣмъ,—грубовато-добродушно сказалъ мнѣ дядька.—Сейчасъ покажу парту, потомъ кровать... все по порядку. Тебя какъ звать-то? Павелъ? Ну, Павелъ, такъ Павелъ. Павелъ царствомъ правилъ. Не будешь шалить, все будетъ хорошо. Будутъ бить,—спуску не давай. А завтра я тебя—въ ножницы. И обкарнаемъ. Все по порядку.

Почему-то меня больше всего напугало выраженіе „въ ножницы“. Я помнилъ изъ разсказовъ дяди-полковника, какъ брали на Балканахъ „въ штыки“, и угроза „въ ножницы“ меня ошеломила.

Подъ влияніемъ ея я даже не обратилъ вниманія на предупрежденіе дядьки, что будутъ бить.

— Ну вотъ, и твое мѣсто,—проговорилъ солдатъ, введя меня въ „занимательную“ комнату, гдѣ въ два ряда тянулись ученическія парты. Парты эти были составлены въ кучки по нѣскольку: по четыре, по шести... Каждый классъ имѣлъ свой собственный уголокъ.

— Твой сосѣдъ будетъ Кучуринъ,—объяснялъ мнѣ дядька.—Кучуринъ, поди сюда.

Къ намъ подошелъ маленькій, вихрастый коропузъ, за нимъ подбѣжало еще нѣсколько. Всѣ уставились на меня.

— Ну, ну, приготовяшки!—прикрикнулъ на нихъ дядька.— Вотъ вамъ еще емназистъ. Кучуринъ, ты не смѣй драться... Вонъ это мѣсто Кучуринское,—онъ указалъ на половину парты,—а это—твое. Сюда ты и складывай все, что дадутъ: книги какія, тетрадки, карандаши. Видишь, какъ у Кучурина.

Онъ пріоткрылъ верхнюю доску парты, и я увидѣлъ подъ ней маленькую комнатку: въ уголкѣ была привѣшена на гвоздикѣ крохотная иконка; въ другомъ углу были сложены книжки; ручки и карандаши были аккуратно развѣшаны по стѣнкѣ парты на гвоздикахъ и обломкахъ перьевъ, вбитыхъ рядами.

— Ахъ ты, египтянинъ!—крикнулъ вдругъ дядька на Кучурина и корявыми мозолистыми пальцами схватилъ виднѣвшуюся изъ-подъ тетрадки резинку. Резинка эта была привязана на деревянную рогульку и предназначалась для стрѣльбы скатанными бумажками.—А къ воспитателю хочешь?—Лицо солдата сморщилось отъ негодованія, брови

сползли на глаза.—Стань въ уголъ, ошмаринъ этакій, стань къ столу!

Кучуринъ медленно поплелся къ воспитательскому столу, и длинныя, несоразмѣрно широкія брюки его морщились на его тоненькихъ ногахъ и ерзали по полу. Другіе мальши поспѣшно разбѣжались.

— Ну, вотъ и все!—объявилъ дядька.—Теперь седи здѣсь... вообще дѣлай, что хочешь... А ужъ я тебѣ койку твою покажу, будешь спать.

Онъ ушелъ. Я робко присѣлъ на свою парту, открылъ отведенный мнѣ, еще пустой ящикъ, опять захлопнулъ и началъ смотрѣть передъ собой. Мысль, что въ домѣ сейчасъ тепло и уютно, что теперь тамъ навѣрное пьютъ чай, тоскою сдавила мнѣ сердце... Невольно глаза стали заволакиваться туманомъ, появилось неодолимое желаніе всплакнуть... Какъ сквозь дымъ видѣлъ я, что кто-то показываетъ мнѣ изъ угла „носы“ и дѣлаетъ гримасы. Съ трудомъ разобралъ я, что дѣлаетъ это Кучуринъ. Повидимому, онъ считалъ меня виновникомъ своего положенія и уже чувствовалъ ко мнѣ нѣкоторую неприязнь... Чтобы не сердить Кучурина, я отвелъ отъ него глаза и началъ разсматривать комнату. Невдалекѣ отъ насъ, подлѣ шкафовъ съ книгами, стоялъ воспитательскій столъ, закапанный чернилами, съ дырявымъ сукномъ, тутъ же, ближе къ стѣнѣ, огромная квадратная черная бочка. Мнѣ сказали потомъ, что это „сорница“ для ненужной бумаги. Было ихъ, такихъ сорницъ, еще штуки двѣ и въ каждую можно было умѣстить по пяти приготовяшекъ. Пока я разсматривалъ „занимательную“ комнату, ко мнѣ раза два подбѣгалъ поставленный въ уголъ Кучуринъ и, показавши языкъ, опять становился на свое мѣсто. Бѣгалъ онъ какъ-то особенно, раскатываясь по полу, словно на конькахъ; дѣлалъ это съ большой сноровкой... и сейчасъ

же откатывался къ столу. Походило, точно на резинку привязали живого мышонка: разбѣжавшись, онъ растягивалъ резинку, потомъ она быстро и безшумно притягивала его назадъ. Кучуринъ бѣгло осматривался, не идетъ ли кто изъ „опасныхъ“. Раза два появлялся въ комнатѣ дядька, но Кучуринъ всегда своевременно успѣвалъ стать на прежнее мѣсто и просилъ дядьку съ раскаяніемъ на лицѣ:

— Лаврентій Ивановичъ, пустите.

Пробилъ дребезжавшій звонокъ. Въ „занимательной“ показался Лаврентій съ громаднымъ колоколомъ въ рукахъ, — такимъ колоколомъ, какой привязывалъ къ дугѣ нашъ кучеръ, когда мы переѣзжали изъ деревни въ городъ... Грозно звенящій дядька прошелся по всей комнатѣ и что-то кричалъ. Словъ я за звономъ не разобралъ и продолжалъ сидѣть, какъ пришитый къ партѣ. Въ коридорѣ былъ слышенъ шумъ; гимназисты куда-то шли... куда, я не зналъ.

Во всей „занимательной“ насъ осталось только двое: Кучуринъ да я. Показался воспитатель и крикнулъ на наказаннаго:

— Кучуринъ, ты что?

Лицо у гимназистика сдѣлалось плаксивымъ.

— Меня дядька поставилъ, — слезливо проговорилъ онъ.

Воспитатель повернулся ко мнѣ. Лицо Кучурина мгновенно сдѣлалось хитрымъ, и онъ показалъ воспитателю языкъ.

— Ну, а ты чего тутъ сидишь? — сказалъ мнѣ воспитатель.

— Я не знаю... — началъ было я.

— Ужинать, ужинать, — оборвалъ меня воспитатель. — Экій ты, братъ, неаккуратный. Ступай ужинать.

Онъ взялъ меня за плечо и повелъ въ коридоръ.

— А меня-то, Василій Пет-ро-вичъ? — спросилъ Кучуринъ.

— Наказанъ, ну, и стой, — бросилъ воспитатель.

За нами раздалась вопли.

Въ полутемномъ коридорѣ стояло, выстроившись попарно, около сотни гимназистовъ. Стояли они небольшими кучками. Каждая начиналась парой маленькихъ; за ними шли побольше, затѣмъ еще болѣе взрослые. Кучка замыкалась уже совсѣмъ большими гимназистами, но такъ же, какъ самые крохотные, остриженными и одѣтыми въ смѣшныя, точно дѣтскія, рубашки.

— Михалевиць, у васъ, кажется, есть мѣсто? — спросилъ воспитатель одного изъ взрослыхъ. — Есть? Такъ вотъ вамъ, этого и возьмите.

Михалевиць взялъ меня за плечо и поставилъ передъ собой.

— Ступайте, — донесся голосъ воспитателя, и пансіонеры вошли въ столовую.

Большая и узкая обѣденная комната была загромождена десяткомъ длинныхъ столовъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ. У одной стѣны подъ образами помѣщался столъ „воспитательскій“, на другихъ же столахъ начальниками были восьмиклассники. Эти „столоначальники“ завѣдывали хозяйствомъ стола. Они раздавали воспитанникамъ пищу, смотрѣли, чтобы все было въ исправности и вообще исполняли обязанности добраго отца семейства. Всѣ добивались возможности сидѣть къ начальнику поближе: это означало имѣть подчасъ лишній кусокъ.

Ничего этого я въ то время, конечно, еще не зналъ. Робко ползая за своимъ начальникомъ... Мнѣ указали мѣсто, я хотѣлъ было сѣсть, — не тутъ-то было: съ воспитательскаго стола былъ поданъ знакъ, и воспитанники заплѣли:

Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповають,
И Ты даешь имъ пищу во благо-вре-меніи...

Потомъ сѣли. Бѣлые служители подали на длинныхъ блюдахъ дымившуюся гречневую кашу и топленое масло въ

соусникахъ. Къ столоначальнику потянулись тарелки; спѣшно онъ наложилъ каждому каши и всѣ, такъ же спѣша, начали ѣсть. Всѣ знали, что у воспитателей „въ ногахъ ртуть“, и торопливо глотали горячую кашу: какъ только воспитатель встанетъ, доѣдать кушанье было нельзя. Ёли всѣ въ полномъ и сосредоточенномъ молчаніи, только звенѣли ложки да слышалось покашливанье... Я хотѣлъ было о чемъ-то спросить сосѣда; на меня зашикали. „Разговаривать нельзя“, добродушно сказалъ мнѣ начальникъ стола и улыбнулся моему невѣдѣнію.

Воспитатель, дѣйствительно, вскорѣ вскочилъ. Загромытали длинныя скамьи, всѣ воспитанники поднялись, опять запѣли молитву, начали креститься; бывшіе между нами ученики-киргизы молитвенно терли себѣ лицо руками. Послѣ молитвы воспитатель стремительно и смѣшно побѣжалъ къ выходной двери. Ученики проходили мимо него и благодарили, кланяясь.

Послѣ ужина всѣ разбрелись по своимъ мѣстамъ. Было въ пансіонѣ двѣ „занимательныхъ“ комнаты. Въ старшей помѣщались ученики старшихъ классовъ, въ младшей—мелкота отъ приготовительнаго класса до четвертаго. Все убранство этихъ комнатъ составляли испещренныя кабалистическими знаками парты и громадныя, мѣстами продранныя ландкарты по стѣнамъ; въ старшей занимательной стояли еще „параллельные брусья“ для гимнастическихъ упражненій, а въ младшей этой цѣли служилъ воспитательскій столъ,—разумѣется, въ отсутствіе воспитателя.

Когда ученики разбрелись по своимъ партамъ, я тоже поплелся къ своей и застѣнчиво присѣлъ на отведенное мнѣ мѣсто. Освобожденный отъ наказанія мой сосѣдъ Кучуринъ помѣстился рядомъ со мною и съ аппетитомъ уничтожалъ принесенную ему кѣмъ-то на исписанномъ чернилами лист-

къ кашу. Онъ бралъ ее прямо пальцами и весь въ ней перемазался... Однако глаза зорко бѣгали по сторонамъ: не идетъ ли начальство? Кончивъ ѣду, онъ повернулся и спросилъ безъ всякаго сердца, видимо успокоеннымъ голосомъ:

— А какъ тебя зовутъ?

Я сказалъ.

Къ намъ подошли еще ученики.

— У тебя черные глаза,—сказалъ мнѣ кто-то.—Какъ у галки. Мы тебя застрѣлимъ.

— Застрѣлите,—просто сказалъ я.

Это ихъ, кажется, удовлетворило.

— А ты умѣешь стрѣлять?—спросилъ меня Кучуринъ.

— Нѣтъ.

— А я умѣю.

— Врешь,—усомнился кто-то.

— Умѣю!—Въ глазахъ гимназистика засверкалъ задоръ.— У меня есть монтекристъ. А сначала я стрѣлялъ изъ рогатки дробью... а то камнемъ. Подойдешь къ голубямъ,—трахъ,—онъ такъ и завертится.

— Голубей жалко!—сказалъ я съ убѣжденіемъ. Всѣ посмотрѣли на меня.

— Это вѣрно,—подтвердилъ кто-то.—Мнѣ сестра говорила: голубь—это Святой Духъ. Вотъ кошекъ не жалко. Кошки—поганья.

Подошелъ дядька. Всѣ разсыпались въ разные стороны.

— Ты чего жъ книгъ-то не просишь?—обратился онъ ко мнѣ солдатскимъ, добродушно-ворчливымъ голосомъ, хмурая косматая брови.—Какъ урки-то учить будешь. И бумаги себѣ добудь и перьевъ. По порядку. Подойди вонъ къ воспитателю и скажи: пожалуйста перьевъ.

Я подошелъ къ воспитателю и сказалъ:

— Пожалуйте перьевъ.

— Что?—коротко спросилъ воспитатель, быстро захлопывая ящикъ стола.

— Перьевъ ему... да книги...

Повидимому, дядька бралъ меня подъ свое покровительство.

— Ахъ, да, да! Такъ выдайте ему, Лаврентій, выдайте.

Дядька медленно пошелъ со мною куда-то наверхъ и выдалъ мнѣ книги, тетради, перья и карандашъ. Выданное онъ тщательно записалъ въ особыя книги.

— Смотри, береги!—говорилъ онъ мнѣ, вручая книги и грозя пальцемъ,—не портъ, не рви... Самъ пропади, а книгу сохрани. Потому книга—она казенная!

Опять поплелся я къ своей партѣ. Въ занимательной было тихо, несмотря на то, что была она полна народомъ. Повидимому, всѣ воспитанники сморились за день и хотѣли спать.

Голыя стѣны, однообразно окрашенные въ два цвѣта, казенныя парты, коптящія на потолкахъ лампы съ громадными жестяными абажурами,—все это въ сумракѣ осенняго вечера казалось въ особенности чужимъ, противнымъ и тяжелымъ. Невольно дергались губы, чаще обыкновеннаго мигали глаза. Наконецъ, въ занимательной опять появился дядька съ звенящимъ колоколомъ.

Всѣ торопливо поднялись; поднялся съ своего мѣста вслѣдъ за выходящими и я. Вошли въ старшую занимательную. Съ разныхъ угловъ этой комнаты, такой же скучной и неуютной, потянулись болѣе взрослые гимназисты и начали строиться въ линіи. Робко посматривая на воспитанниковъ, я жался къ сторонѣ у двери.

— Впередъ!—апатично крикнулъ на меня воспитатель.— Не знаешь?

Онъ взялъ меня за плечо и потащилъ впередъ къ кучкѣ маленькихъ гимназистовъ.

— Не знаешь?—повторилъ онъ.

Я и на самомъ дѣлѣ не зналъ.

Вглядѣвшись въ темный уголъ, я замѣтилъ тамъ висѣвшую икону. Передъ нами—самыми маленькими „приготовляшками“—стояло два „среднихъ“ воспитанника: высокій и коротенькій. Коротенькій скоро зачиталъ заспаннымъ голосомъ молитвы. Потомъ сзади зашумѣли: я увидѣлъ, что всѣ стали на колѣна; сталъ и я. „Святѣйшій правительствующій синодъ...“ равнодушно читалъ „средній“ гимназистикъ. Онъ то мѣнялъ голосъ и говорилъ вмѣсто дисканта басомъ, то твердилъ, заикаясь, подъ рядъ нѣсколько разъ одно и то же слово и, поворачиваясь къ намъ, смѣшно жевалъ и шлепалъ губами. Нѣкоторые изъ „приготовляшекъ“ чуть слышно фыркали. Потомъ опять зашумѣли. Всѣ поднялись съ колѣнъ. Иные шумно чистили себѣ ладонями запыленные колѣна. Казенная вещь!

Опять начали молиться. Потомъ маленькій чтецъ смолкъ, къ молящимся важно повернулся другой, побольше, и трескучимъ басомъ прочелъ главу изъ евангелія. Потомъ опять повернулся и щелкнулъ каблуками рыжихъ сапогъ. Маленькій опять зачиталъ. Вскорѣ молитва кончилась. Теперь уже я видѣлъ, что необходимо присматриваться къ тому, что дѣлаютъ другіе. Я началъ наблюдать. Всѣ пошли по коридору къ швейцарской, и я пошелъ за ними. У вѣшалки съ воспитательскимъ пальто опять выстроились попарно. У всѣхъ были свои пары; не было пары только у меня. Однако на этотъ разъ никто не обратилъ на меня вниманія. Всѣмъ хотѣлось спать, и какъ только до выстроившихся добрель нагруженный книгами воспитатель, всѣ шумно и торопливо побрели во второй этажъ вверхъ по громадной каменной лѣстницѣ. Мелькомъ взглянулъ я за перила: нижній этажъ казался черною пропастью.

— „Вотъ откуда-то тогда Смирновъ и бросился!“—услышалъ я близъ себя пугливый шопоть. Говорили двое маленькихъ, взъерошенныхъ, жалкихъ. Въ глазахъ ихъ виднѣлся испугъ, который сейчасъ же сообщился и мнѣ. „Отсюда бросился!“ сверкнуло въ умѣ. Я снова покосился на зияющую подъ нами пропасть.

Опять передъ глазами потянулся коридоръ. И былъ онъ такой же длинный и скучный и съ такими же лампами; въ голову мнѣ на мгновеніе забрела мысль, что мы опять спустились внизъ. Воспитанники разбрелись по спальнямъ, а я остался одинъ и не зналъ, гдѣ мнѣ лечь. То, что было мнѣ неизвѣстно, гдѣ лечь спать, почему-то тогда показалось мнѣ въ особенности горькимъ. Бродя по коридору и видя, какъ всѣ раздѣваются у своихъ постелей, я вдругъ не сдержался и заплакалъ во весь голосъ. Такъ мнѣ стало жалко себя!.. Я бродилъ по темному коридору и плакалъ и вытиралъ кулаками слезы, а со мной бродила моя маленькая пугливая тѣнь,— больше не было никого.

Замѣтилъ меня случайно вышедшій воспитатель. Услышалъ ли онъ мой плачь или просто вспомнилъ о новичкѣ,— только выйдя изъ старшей спальни, онъ натолкнулся на меня и спросилъ:

— А ты чего ходишь?

— Не-е знаю... спать гдѣ,—съ рыданіями пробормоталъ я.

Воспитатель густо побагровѣлъ и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Лаврентій!

Изъ-за угла показался струхнувшій дядька. Очки съѣхали у него на конецъ носа, и руки держалъ онъ такъ, будто собирался вспорхнуть.

— Это что же?—сердито заговорилъ воспитатель, тыча въ меня пальцемъ.—Вы ужъ свои обязанности забываете...

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ бросать дѣтей... Я не понимаю.

Воспитатель закашлялся, разставилъ руки и пошелъ прочь.

Съ неопикуемымъ ужасомъ поглядѣлъ я на дядьку, когда остался съ нимъ наединѣ. Я думалъ, что Лаврентій разорветъ меня въ клочки или сброситъ черезъ перила лѣстницы.

Но дядька только поглядѣлъ на меня внимательно и сказалъ, покачавъ головой:

— А еще рюмишь. Ну, какой же ты емназистъ! Пойдемъ, укажу постелю-то.

И повелъ меня въ младшую спальню.

Мы вступили въ большую комнату, гдѣ въ два ряда стояли кровати. Одѣяла на нихъ были сѣрыя шерстяныя, подлѣ каждой стояли желтыя табуретки.

— Вотъ это твоя постеля!—указалъ мнѣ дядька и добавилъ не безъ гордости:

— Будешь спать рядомъ со мной!

Мелькомъ я осмотрѣлъ младшую спальню. Почти на всѣхъ кроватяхъ лежало по малышу. Иные уже спали, нѣкоторые покосились на меня съ любопытствомъ.

— Теперь раздѣвайся,—проговорилъ дядька.— Скидавай всю амуницую и ложись. Платье клади въ порядкѣ.

Онъ вышелъ, и я началъ раздѣваться. Стало холодно, по тѣлу забѣгали мурашки, застучали зубы. Я юркнулъ подъ тощее одѣяло и сжался въ комочекъ. Около меня внезапно что-то застучало. Повернувъ голову, я увидѣлъ, что мой сосѣдъ, крошечный, костлявый, приподнялся съ постели и началъ ее поправлять. Я посмотрѣлъ на его кровать. Матраца на ней не было, лежала, сморщившись, одна простыня. Я съ ужасомъ догадался. Это былъ наказанный. За какую-то провинность у него сняли съ постели матрацъ. Такъ, на голыхъ доскахъ, онъ долженъ былъ провести ночь.

Я видѣлъ, какъ онъ все двигался на доскахъ и поправлялъ свою простыню. Время отъ времени онъ снова поднимался и все старался улечься на свернутой въ нѣсколько разъ половинѣ одѣяла. Другимъ концомъ онъ пытался прикрыться. Одѣяло поминутно сползало, гимназистикъ ворочался, тихо плакалъ, и доски подъ нимъ скрипѣли и двигались. Стало въ особенности тяжело на душѣ. Особенно милой и невозвратно утраченной казалась маленькая квартирка, гдѣ жила съ двумя братьями мать. Потянуло домой, и самое тяжелое было то, что вернуться было нельзя, что кругомъ были голыя неуютныя стѣны, чужіе люди, чужія подушки, одѣяла... Громкіе вздохи заставили меня высунуть изъ-подъ одѣяла голову. Около меня стоялъ въ нижнемъ бѣльѣ босой дядька Лаврентій и истово крестился, кланяясь, какъ игрушечный слонъ. Онъ громко вздыхалъ, пучилъ глаза, покашливалъ и теръ лысину. Потомъ грузно опустился на колѣна и началъ часто-часто бухать объ полъ головой. Это было смѣшно, но я не смѣялся: хотѣлось плакать.

II.

Пробужденіе пансіона.—Въ шпальнѣ каптенармуса.—Сборы въ гимназію.—Пансіонъ опустѣлъ.

Старые, осипшіе часы, висѣвшіе у дверей младшей спальни, гулко пробили пять разъ. Подъ сѣро-сизымъ казеннымъ одѣяломъ задвигались огромныя ноги дядьки Лаврентія. Вотъ онъ, я вижу, поднялся, присѣлъ на кровати и, протирая красные, какъ у тетерева, глаза, дѣлаеть со сна уморительныя гримасы... Давно небритое лицо его, заросшее колючей сѣдой щетиной, выражаетъ неудовольствіе, черныя брови ползаютъ по лбу, какъ мыши; онъ зѣваетъ и часто-часто креститъ свой ротъ.

Затѣмъ онъ идетъ въ умывалку; это темноватая, холодная комната, посреди которой стоитъ огромный, изъ красной мѣди, умывальный чанъ. Дно его усѣяно рядомъ мѣдныхъ стержней. Человѣкъ двѣнадцать можетъ умываться одновременно, но пока—дядька одинъ.

Умывается Лаврентій медленно, съ наслажденіемъ, фыркая какъ опившійся котъ. Послѣ умыванья онъ подходитъ къ одной изъ длиннѣйшихъ скамей, тянущихся вдоль стѣнъ „умывалки“, и начинаетъ чистить себѣ сапоги. Эти скамьи уставлены громадными чашками съ жидкой ваксой; масса щетокъ, большихъ и малыхъ, разбросана по нимъ.

Вычистивъ себѣ сапоги, дядька окончательно приводитъ въ порядокъ свой туалетъ,—расчесываетъ брови, протираетъ очки и поворачиваетъ передъ зеркаломъ изъ стороны въ сторону голову.

Скоро ужъ шесть. Скоро звонить. Мелькомъ взглядываетъ Лаврентій на казенный градусникъ. Давнымъ-давно, съ самага основанія пансіона, повѣсили его у косяка двери и съ тѣхъ поръ невозмутимо-добросовѣстно и въ зиму и въ лѣто показываетъ градусникъ четырнадцать, какъ бы температура ни мѣнялась.

Часы бьютъ шесть. Дядька беретъ съ подоконника свой колоколь. Оглушительное дребезжанье мѣди нарушаетъ мертвую тишину.

— Вста-ва-ать!—кричитъ Лаврентій, потрясая звонкомъ.— Вставайте! Вставайте!

Свой трезвонъ начинаетъ онъ съ „младшей спальни“. Какъ часто во снѣ казалось, что вотъ на тройкѣ пріѣхали изъ дому! Старшій братъ Саша сидитъ въ тарантасѣ и смѣется... Лошади летятъ быстро, заливаются колокольчикъ:

— Динь-динь-динь.

И сейчасъ же становится необыкновенно холодно. Смотришь—дядька сдернулъ съ тебя одѣяло и звонитъ надъ ухомъ, крича:

— Вставайте засони... Живо, разъ-два! Сѣно, солома. Калачъ, витушка.

Хочется плакать.

А Лаврентій ужъ въ „средней“ спальней.

— Ивановъ, Десницкій второй!—кричитъ онъ, идя безконечнымъ рядомъ сѣро-сизыхъ кроватей.— Ткаченко, Стоунинъ, по порядку, живо! Вставайте, умывайтесь, пятки получайте!

Послѣ этого онъ проходитъ въ „старшую спальную“. Здѣсь онъ звякаетъ колоколомъ слабо, почти съ уваженіемъ, и всѣ воспитанники—семи и восьмиклассники—еще спятъ безмятежнымъ сномъ. Эта привиллегія не встать сразу по звонку установилась за старшими долгимъ обычаемъ. Какъ, бывало, завидуешь имъ, проходя мимо ихъ спальни по холодному коридору! А вѣдь и все преимущество заключается въ какихъ-нибудь пятнадцати минутахъ.

Какъ бы то ни было, старшіе еще спятъ. Въ спальней тихо, и только нѣчто сгорбленное и худое, издали похожее на гипсовое изваяніе, двигается въ углу у печки. Это—дежурный воспитатель.

Обнявши колѣна руками, онъ медленно поводитъ по сторонамъ мутными отъ сна глазами, еще не сознавая себя. Прислужникъ умывальной комнаты приноситъ воспитателю ярко начищенные штиблеты и тихо удаляется, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ идущій по проволокѣ гимнастъ. Воспитатель переводитъ глаза на башмаки и видъ ихъ напоминаетъ ему, что слѣдуетъ одѣваться.

Съ трудомъ попадая въ рукава, онъ надѣваетъ заплѣсневѣвшій брусничнаго цвѣта, давно ставшій историческимъ, халатъ и идетъ умываться, шлепая огромными стоптанными туфлями. „Историческимъ“ халатъ называется не безъ причинъ: по преданію, былъ онъ купленъ въ день закладки зданія пансіона; а кромѣ того, носитъ на себѣ слѣды „исторій“ съ воспитателями: онъ залитъ чернилами, изрѣзанъ ножницами и замазанъ ваксой и клейстеромъ...

Умывшись, воспитатель аккуратно причесывается и идетъ, перевѣсивъ черезъ плечо полотенце, въ старшую спальную. Облачившись въ вицмундиръ и надѣвъ галстукъ, онъ начинаетъ расхаживать по комнатѣ, время отъ времени покрикивая:

— Господа, вставайте! Половина седьмого.

Но голосъ его — гласъ вопиющаго въ пустынь. Пробуждаются только тѣ, которые вечеромъ не доучили уроковъ и которыхъ это беспокоитъ. Остальные спятъ.

Воспитатель тревожно бродитъ по спальній, ежеминутно поглядывая на часы. „Старшіе“ спятъ, а черезъ десять минутъ слѣдуетъ идти на молитву. Отчаявшись въ своихъ силахъ, воспитатель выходитъ изъ спальній и засылаетъ будить воспитанниковъ дядьку.

Лаврентій, уже поставившій на ноги „молокососовъ“, въ старшую спальную входитъ неохотно. Для него будить восьмиклассниковъ—дѣло неприятное, но, исполняя волю посланшаго, осторожно касается онъ до одѣяла каждаго спящаго и негромко объявляетъ, что „вставать-съ пора-съ“.

Въ это время въ умывалькѣ шумъ, гамъ и смятеніе. Она полна малыми и средними гимназистами. Отъ падающихъ умывальныхъ стержней, отъ выскальзывающихъ изъ рукъ сапожныхъ щетокъ и перебранивающихся голосовъ въ умывалькѣ шумно какъ въ кузницѣ. Воспитанники длинными рядами стоятъ за каждымъ умывающимся, въ ожиданіи очереди. И сколько здѣсь происковъ, протекціи, недовольныхъ лицъ, сколько зависти! Иные спѣшатъ попасть подъ крыло извѣстнаго въ пансіонѣ силача. Изъ расположенія къ своему кліенту или изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ силачъ безцеремонно отталкиваетъ законно занявшаго мѣсто кандидата и ставитъ на его мѣсто своего протеже.

Съ появленіемъ воспитателя въ умывальникѣ воцаряется

временный порядокъ. Пинки и подзатыльники прекращаются, чистившіе сапоги перестаютъ мазать врагамъ лица сапожными щетками, линіи очередныхъ выравниваются, плачущіе смолкаютъ. Но воспитатель заходитъ только на минуту, и съ исчезновеніемъ пугала все принимаетъ свой обычный обликъ.

Изъ умывальки воспитатель опять направляется въ старшую спальную посмотрѣть, въ какомъ она положеніи. Къ его удовольствію, почти всѣ встали.

Къ семи часамъ въ умывалькѣ—исключительно „интеллигенція“: только старшіе. Разговоры—тоже особенные: про знакомыхъ барышень, про театръ, про женщинъ пансіона... Женщины эти—жены служителей.

Послѣ чая до начала занятій въ гимназіи оставалось около трехъ часовъ, но воспитанники обыкновенно выводились изъ пансіона въ самомъ началѣ десятаго, такъ что на репетицію уроковъ давалось не болѣе двухъ часовъ. Эти часы были самымъ лихорадочнымъ моментомъ въ жизни пансіона. Немногіе счастливыцы могли похвалиться тѣмъ, что у нихъ было все приготовлено. Волей-неволей приходилось разсчитывать на „сдуваніе“ и подсказки.

Время бѣжитъ... до отхода въ гимназію остались минуты. Вездѣ, даже въ старшей занимательной, тоска и смятеніе... и только въ одной комнаткѣ еще держится въ это время искреннее оживленіе. Комната эта—„швальня“ каптенармуса.

Добрѣйшій старикъ, Иванъ Ильичъ,—самъ каптенармусъ,—сидитъ у окна своей швальной на табуретѣ, окруженный „приготовяшками“ и прочей мелкотой. Всѣ они размѣстились около на длинныхъ желтыхъ скамьяхъ безъ броекъ, безъ блузъ, безъ сапогъ. Нѣкоторые изъ нихъ берутся въ темныхъ уголкахъ, благо не видятъ занятый шитьемъ каптенармусъ. Уморительно щура глаза, вдѣваетъ каптенармусъ въ иголку нитку, похожую на канатъ и обильно

имъ, „для крѣпости“, навощенную. Иванъ Ильичъ молчитъ, но языкъ его все время въ движеніи, точно онъ именно языкомъ проталкиваетъ въ игольное отверстіе свою нитку. Но вотъ игла снаряжена. Съ удовольствіемъ нашиваетъ каптенармусъ заплату — одному на колѣна, другому на воротникъ, третьему на спину. Его мало занимаетъ, что рубаха давно позеленѣла, а заплата новая; не много кажется, занимаетъ это и малышей. На красоту платья обращаютъ вниманіе лишь подрастающіе, а этимъ пока еще все равно, носятъ ли они блузу средняго или старшаго возраста. Поэтому въ клѣткахъ младшихъ питомцевъ (а у каждаго пансіонера въ швальной имѣется особая клѣтка для платья) встрѣчаются брюки и блузы „каменнаго періода“, чуть ли не издавшія закладку пансіона.

Если Иванъ Ильичъ находится въ добромъ расположеніи духа, то за шитьемъ онъ начинаетъ свои рассказы. Рассказываетъ онъ обычно изъ эпохи русско-турецкой войны 78 года и, повѣствуя, сообщаетъ, на страхъ „молокососамъ“, самые удивительные факты: какъ онъ одинъ перестрѣлялъ изъ пушки четыре турецкихъ полка, какъ однажды летѣлъ онъ на скакунѣ черезъ турецкую столицу съ секретнымъ письмомъ генерала Скобелева... Фантазія у него была необыкновенная... „Идешь, идешь по поднебеснымъ горамъ, — облака внизу такъ и плаваютъ... Ну, захочется пить, — отломишь кусочекъ облака, пососешь, да и бросишь“... Малыши бывали въ восторгѣ.

Время отъ времени въ „швальню“ заходитъ дежурный воспитатель, занятый утромъ подготовкой къ урокамъ самого себя. Появленіе его всегда сопровождается поспѣшнымъ уходомъ лишнихъ лицъ и постановкою нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ видѣ наказанія, „подъ часы“.

Въ девять часовъ воспитатель собираетъ свои книги и

тетради и обходить пансіонъ въ послѣдній разъ; а въ четверть десятого снова оглушительно звонитъ колоколь, и пансіонеры идутъ въ швейцарскую одѣваться.

— Пу-парно, пу-парно! — кричитъ дядька Лаврентій, обходя малышей и „средній возрастъ“. — Сѣна, солома! Витушка, калачъ!

Иногда, передъ моментомъ ухода, въ дальнихъ отъ воспитателя парахъ старшихъ воспитанниковъ вдругъ началось глухое „броженіе“, выражавшееся въ хлопаньи объ полъ калошами.

— Что это? — спрашивалъ одѣвающийся воспитатель.

Вмѣсто отвѣта „калошный шумъ“ повторялся. Воспитатель срывался съ своего мѣста и опрометью бросался на беспорядки. На лицахъ малышей появлялось неподдѣльное восхищеніе. Съ завистью и уваженіемъ оборачивались они назадъ.

Тихо. Воспитатель отходитъ. Калошное движеніе повторяется, но въ большемъ размѣрѣ. Лицо воспитателя покрывается смертельной блѣдностью.

— Кто стучалъ? — задыхаясь, спрашиваетъ онъ.

Молчаніе.

Воспитатель снова пытается отойти — и снова беспорядки. Опять бѣжитъ назадъ воспитатель.

— Это безобразіе, безобразіе! — Голосъ его дрожитъ отъ оскорбленія. — Лаврентій, ведите.

Онъ остается подлѣ бунтовщиковъ. Впереди слышно шелканье замка и визгъ двери: то швейцаръ растворяетъ пансіонскую дверь. Клубы пара влетаютъ въ прихожую съ лѣстницы. Воспитатель беретъ за свой котелокъ... о, ужасъ!.. въ котелкѣ чьими-то хищными ножницами вырѣзано трехугольное отверстіе.

III.

Наша гимназія.—Немного о начальствѣ.—Типы учителей.—Первая единица.—На урокъ.

Гимназія наша помѣщалась какъ разъ напротивъ пансіона. Снаружи это было длинное трехэтажное зданіе, выкрашенное казарменной желтой краской, съ тусклыми окнами и проржавѣвшимъ крестомъ посрединѣ крыши. Не была лучше гимназія и внутри. Въ двухъ нижнихъ этажахъ помѣщались классы, церковь, бібліотека и учительскія комнаты, на третьемъ этажѣ были квартиры главнаго гимназическаго начальства и канцелярія.

Младшіе классы помѣщались внизу; во второмъ этажѣ занимались воспитанники старшаго возраста. Оба этажа были чрезвычайно похожи одинъ на другой. Посрединѣ шелъ обычный длинный и темный коридоръ, а по бокамъ тянулись классы. Одной стороною нижній коридоръ упи-

рался въ церковь, другой—въ такъ называемую актовую залу, бібліотеку и учительскія комнаты. Стѣны были, какъ и во всякомъ казенномъ мѣстѣ: снизу крашенныя масляной желтой краской, вверху бѣлыя, полы паркетные. Въ классахъ же было введено нѣкоторое разнообразіе: стѣны были „исполнены“ какимъ-то особеннымъ манеромъ—синими и красными кляксами... Помню, на первыхъ порахъ я подолгу и съ удивленіемъ рассматривалъ эти стѣны.

Войдя въ гимназическую прихожую, мы снимали съ себя въ особыхъ комнатахъ пальто (пансіонеры и приходящіе раздѣвались отдѣльно) и, забравъ свои тетрадки и книжки, расходились по классамъ.

Первые дни своего гимназическаго житья я чувствовалъ себя, конечно, очень стѣсненно. Не было знакомыхъ товарищей (все время мы жили въ деревнѣ и только передъ поступленіемъ брата Александра мои домашніе переѣхали въ городъ). Кругомъ были искусившіеся въ шалостяхъ и проказахъ гимназистики; послѣ рассказовъ Александра, бывшаго на два года старше меня, товарищей я побаивался и смотрѣлъ на нихъ недоувѣрчиво: ужъ очень казались они мнѣ шустрыми и бойкими—они и по окнамъ лазили, и папиросы курили, и кропили другъ друга мокрыми губками... А вѣдь были все „приготовительные“; самому старшему насчитывалось не болѣе двѣнадцати лѣтъ... Освоился я съ товарищами не скоро.

По приходѣ въ гимназію намъ оставалось на разговоры и подготовку не много времени. Около десяти въ концѣ коридора появлялся заспанный старичокъ швейцаръ, Матвѣй Никифоровичъ, и звонилъ „на молитву“. Послѣ молитвы „дежурные“ мыли губками классныя доски, вѣшали географическія карты и вообще приготовляли классъ „къ пришествію антихриста“. Страшное время приближалось. Обыкно-

венно стихали даже завязтые говоруны. Нѣкоторые готовили къ занятіямъ книги и „сдувалки“, иные крестились, иные условливались съ товарищами насчетъ „подсказыванія“...

Вотъ дежурные стремительно прыснули отъ двери.

Всѣ шумно встаютъ: въ классъ стремительно входитъ преподаватель.

Въ первое же свое появленіе въ гимназіи, помнится, я былъ страшно пораженъ слѣдующей сценой. Я проходилъ по коридору—было мнѣ тогда десять лѣтъ—и внезапно услышалъ за собой гнѣвный окрикъ. Обернувшись къ „актовой залѣ“, я увидѣлъ стоявшаго посреди нея въ гнѣвной позѣ господина среднихъ лѣтъ, сѣдоватаго, блѣдноватаго, въ очкахъ и вицмундирѣ. Это былъ директоръ гимназіи. Онъ что-то кричалъ, размахивая руками, а подлѣ него, на колѣнахъ, стоялъ плачущій гимназистъ лѣтъ четырнадцати. Я замеръ отъ ужаса. Около группы стояла толпа учениковъ разныхъ возрастовъ, также окаменѣлая, какъ и я. Что-то новое сразу оттолкнуло меня отъ прежнихъ грезъ, сразу ожесточило и замкнуло въ себѣ. Я поспѣшилъ узнать отъ товарищей про вину ученика; оказалось, никто путемъ не зналъ; полушепотомъ говорили только, что воспитанника за что-то предназначили къ исключенію и онъ долженъ былъ вымаливать себѣ прощеніе на колѣнахъ... Чѣмъ кончилось дѣло, я не знаю; но съ того времени прошло теперь больше двадцати лѣтъ, а сцена въ моей памяти, какъ вчерашняя. Помню еще, какъ рассказывали мнѣ, что иногда намѣченнымъ къ изгнанію жертвамъ (особенно изъ евреевъ) приходилось унижаться еще болѣе: цѣловать руки начальниковъ... Припоминаю также: какъ-то разъ, много времени спустя, довелось мнѣ столкнуться съ этимъ директоромъ. Весь дрожавшій, я посмотрѣлъ ему въ глаза: мнѣ казалось, что

вотъ-вотъ сейчасъ и мнѣ прикажутъ стать на колѣна... Но глаза у директора были тихіе, добрые и улыбающіеся; это были обыкновенные близорукіе глаза, требующіе очковъ... и все же мнѣ на душу повѣяло холодомъ. Я зналъ, что на колѣна не встану. Стало быть, впереди сидѣнье дома на шеѣ у матери или десятирублевая служба въ контрольной палатѣ... И когда директоръ, желая, вѣроятно обласкать, взялъ меня за воротникъ блузы и повелъ куда-то съ собой, я шелъ ничего не слыша и думая только объ одномъ: вотъ сейчасъ эта ласковая рука сильно пригнетъ меня къ полу, и моя судьба рѣшится навсегда. Такова была атмосфера нашей гимназіи.

Когда же я вспоминаю случайно замѣченную сцену, какъ къ засидѣвшемуся лишніи пять минутъ въ учительской одному преподавателю подошелъ старикъ инспекторъ (тоже изъ ветхозавѣтныхъ) и ворчливо-язвительно сказалъ: „пора въ классы, пора!“—и какъ робко вскочилъ съ своего мѣста учитель и побѣжалъ въ классы,—я сознаю, что въ атмосферѣ старой бурсы задыхались не одни мы, маленькіе гимназисты.

Директоръ этотъ вскорѣ скончался. Насъ гоняли на панихиду по немъ, кажется, даже дарили нѣкоторымъ его фотографіи. Я смотрѣлъ на его карточку: опухшіе глаза, длинный носъ, дряблѣе лицо, сѣдоватые бачки... Было что-то тихое, непонимающее и, повидимому, невинное... и меня, помнится, страшно коробило, что въ старшей занимательной въ тотъ же день, послѣ панихиды, воспитанники седьмого и восьмого классовъ баловались какъ подростки и пѣли на церковные мотивы какія-то бурсацкія пѣсни.

Но достаточно о директорѣ.

Какъ-то вечеромъ, будучи еще во второмъ или третьемъ классѣ, сидѣлъ я въ пансіонѣ на своей партѣ, готовя уроки. Внезапно до меня долетѣлъ сдерживаемый хохотъ. Инстин-

ктивно я взглянулъ на сосѣда. Лицо у него было красно отъ смущенія и перепуга и незамѣтно онъ толкалъ меня рукою, точно о чемъ-то предупреждая. Еще не понимая, я взглянулъ прямо передъ собой и на разстояніи аршина увидѣлъ качающуюся снизу вверхъ гладко остриженную голову съ ехидно улыбающимся ртомъ, съ блестящими маленькими глазами. Голова все время двигалась снизу вверхъ, точно мнѣ кланялась. Рука съ золотымъ кольцомъ лежала на спинкѣ рядомъ стоявшей парты; только по рукаву съ блестящими пуговицами я догадался, что передо мною начальство. Я обомлѣлъ отъ ужаса. Я понялъ, что, занявшись уроками, не замѣтилъ прихода инспектора и забылъ ему поклониться. Вздогнувъ, я вскочилъ съ своего мѣста и всталъ, не сводя глазъ съ все кланявшагося мнѣ инспектора. Замѣтивъ, что я всталъ, инспекторъ пересталъ кланяться. Сгорбленная старческая фигура выпрямилась. Я увидѣлъ только спину, облеченную въ вицмундиръ.

— Какой онъ невнима-тельной!—съ нерусскимъ акцентомъ сказалъ онъ сопровождавшему его воспитателю.—Я нарочно ему... кланялся, кланялся...

И, повернувшись ко мнѣ, добавилъ:

— Остан-нись безъ ужинъ.

И ушелъ. Товарищи обратились ко мнѣ съ перепуганными лицами и упрекали за разсѣянность.

— Теперь съѣсть!—убѣжденно говорили они.

Кстати объ ужинѣ. Въ тотъ день мнѣ не посчастливилось въ особенности. Вечеромъ меня оставили безъ ужина, а днемъ, нѣсколькими часами раньше, безъ обѣда.

Случилось это такимъ образомъ.

Послѣ уроковъ назначали спѣвку. Пришелъ регентъ, начали что-то пѣть (готовились, кажется, къ акту). Во время популярной въ то время въ нашей гимназій пѣсни:

Свѣтлой радостью горя,
День торжественный встрѣчайте...

я машинально посмотрѣлъ себѣ на локоть. Подошелъ классный наставникъ и сказалъ мнѣ негромко и спокойно:

— Безъ обѣда.

Онъ сейчасъ же отошелъ, а я принужденъ былъ сидѣть голоднымъ. За что? Я не зналъ. Такъ, здорово живешь. Я склоненъ думать, что классный наставникъ на меня не сердился. Онъ просто увидѣлъ что-то не такое, какимъ оно слѣдовало быть, и сейчасъ же сказалъ привычное „безъ обѣда“. Весьма вѣроятно, что онъ сейчасъ же и забылъ это, и будь это секундой раньше или позже, онъ бы и не наказалъ меня; но подошла минута, и я не долженъ былъ обѣдать.

Еще припоминаю: стоявшій рядомъ со мной гимназистъ сказалъ мнѣ съ злорадствомъ:

— Смотри, не съѣшь тарелку!

Почему онъ радовался? Почему до сихъ поръ передо мной стоятъ маленькіе водянистые глаза маленькаго раба, радушагося тому, что другой рабъ наказанъ господиномъ?..

Помнится, это было первое наказаніе, которое меня постигло. Наказавшій слылъ въ гимназій за такое лицо, у котораго не только нельзя было спросить „за что“, но даже попросить прощенія—значило быть наказаннымъ вчетверо. Поэтому я мучился еще больше отъ того, что не зналъ причины наказанія. Когда всѣ за обѣдомъ начали ѣсть и старшій спросилъ меня:

— А ты что же?

Задыхаясь отъ слезъ и отъ страха, что сейчасъ откроютъ мой позоръ, я пробормоталъ:

— Мнѣ не хочется.

Старшій только пытливо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза—не

сказалъ ни слова. А спроси онъ меня: „не наказанъ ли я“, — я знаю, что тутъ же бы разрыдался во весь голосъ.

Въ серединѣ обѣда въ столовую внезапно вошелъ тогда тотъ классный наставникъ (онъ иногда замѣнялъ инспектора), который на спѣвкѣ оставилъ меня безъ обѣда. Лицо у него было ровное и спокойное; онъ даже не взглянулъ на меня; онъ только прошелся мимо и вышелъ; конечно, онъ забылъ обо мнѣ совершенно. Но теперь, вспоминая этотъ маленькій случай, я спрашиваю себя: А что, если онъ помнилъ о томъ, что онъ оставилъ меня безъ обѣда?.. Что, если именно за этимъ онъ и пришелъ въ столовую? И что было бы тогда, если бы я, не снеся стыда передъ товарищами, рѣшился бы начать передъ его приходомъ вѣду?..

Среди группы учителей, въ свое время насъ учившихъ, особенно памятнымъ остался мнѣ Федоръ Петровичъ Чайкинъ. Маленькій, сморщенный, съ совершенно голой головой, съ трехцвѣтной бородой клиномъ, онъ преподавалъ у насъ математику. Представляя теперь себѣ его сгорбленную фигуру, старчески упавшій ротъ, затонувшіе въ морщинахъ глаза, я спрашиваю себя: какъ могли мы бояться этого крошечнаго человѣка всей степенью того паническаго ужаса, который онъ въ насъ возбуждалъ? Но иногда, даже теперь, ночью просыпаюсь я, весь холодный отъ ужаса передъ презрительнымъ взглядомъ Федора Петровича. „Да остричься!.. Бол-ванъ!“ звенитъ у меня въ ушахъ, и до боли, нестерпимо жалко мнѣ маленькихъ гимназистиковъ, если имъ гдѣ-нибудь еще и теперь преподаютъ такимъ образомъ математику.

Къ математикѣ я никогда не чувствовалъ особой склонности. Суровая школа запугала меня ею въ самую раннюю пору: когда я былъ еще въ приготовительномъ классѣ.

Помнится, дома меня хорошо подготовила къ вступленію

въ гимназію мать. Въ приготовительномъ классѣ я учился однимъ изъ первыхъ учениковъ. Но вотъ уже сколько лѣтъ прошло, а я все помню, какъ получилъ первую единицу.

Учитель вызвалъ меня къ классной доскѣ. Съ его словъ записалъ я на ней мѣломъ задачу и сталъ обдумывать.

Сначала дѣло шло хорошо. Я исписалъ цифрами уже половину доски, какъ вдругъ, оглянувшись на преподавателя, замѣтилъ, что онъ сидитъ ко мнѣ спиной и занятъ совсѣмъ постороннимъ дѣломъ: онъ подписывалъ, для скорости, тутъ же въ классѣ, бальники учениковъ. Мысль, что я одинъ, всколыхнула нервы. Я зналъ, что одно слово, ободряющій взглядъ, — и я рѣшилъ бы задачу. Но учитель былъ безмолвенъ, онъ даже и не глядѣлъ на меня. Просительно взглянулъ я на товарищю. Одни улыбались, другіе кивали головами какъ-то отрицательно. Сердце во мнѣ упало. Мысль, что я не рѣшу задачи, наполнила всего меня отчаяніемъ.

— Григорій Ивановичъ, — взмолился я къ учителю.

Тотъ не отвѣчалъ.

— Григорій Ивановичъ! — повторилъ я и подошелъ къ нему. Во мнѣ еще теплилась слабая надежда.

— Ну? — сказалъ учитель недовольно и, обернувшись на мгновеніе, коротко бросилъ: — Рѣшай, рѣшай... ты!

Гордость и бѣшенство вспыхнули во мнѣ. Поблѣднѣвшій, глотавшій слезы, я положилъ мѣлъ на барьеръ классной доски и сталъ неподвижно, отвернувшись отъ класса лицомъ. Учитель все подписывалъ тетрадки. Я уже не думалъ о задачѣ и не хотѣлъ думать о ней и только съ томленіемъ ждалъ, что вотъ-вотъ прозвенитъ колоколъ и окончится урокъ. Во мнѣ все было оскорблено, все поднялось и ежеминутно готово было прорваться судорожнымъ плачемъ.

Наконецъ, звонокъ пробилъ. Учитель не спѣша собралъ

тетради, обернулся ко мнѣ, съ усмѣшкою оглядѣлъ мои вычисления и, присѣвъ на мгновение къ столу, молча влѣпилъ мнѣ въ классный журналъ жирную единицу.

Онъ сейчасъ же ушелъ, и сейчасъ же я весь забился въ рыданияхъ. Сконфуженные товарищи обступили меня и молча смотрѣли, какъ плакалъ и бился головою о парту я, десятилѣтній. Прибѣжалъ братъ Александръ, гимназистъ-второклассникъ. Ему объяснили. Какой-то коропузикъ, за что-то оставленный безъ обѣда, плакалъ рядомъ со мной.

— Не плачь, не плачь, — твердилъ мнѣ Александръ, и губы его дергались. — Онъ не единицу поставилъ тебѣ, а черточку... черточку!

Увы! — я зналъ, что была не черточка, а единица. Я видѣлъ ее собственными глазами.

Послѣ этого учитель являлся въ классы, конечно, такой же, какъ всегда, не чаще обыкновеннаго меня вызывалъ, ставилъ разныя отмѣтки за отвѣты... О случаѣ онъ, разумѣется, позабылъ; онъ не помнилъ, и не могъ помнить, о томъ, какъ оскорбилъ мое маленькое сердце. Но съ тѣхъ поръ ужасъ передъ математикой закрался въ меня; приступая ко всякой задачѣ, я прежде всего боялся и думалъ: вотъ опять въ моихъ клѣткахъ появится жирная единица!. Меня оставятъ безъ отпуска, и придетъ на полчаса въ пансіонъ мать, и будутъ у нея такіе печальные, недоумѣвающие глаза... И вотъ на протяжении слѣдующаго ряда лѣтъ въ моихъ „табеляхъ“ о наукахъ рядомъ съ отмѣтками по другимъ предметамъ: 5... 5... 5..., зіяло по математикѣ едва натягиваемое 3... 3... 3.

И на протяжении восьми лѣтъ — ежедневно, можетъ быть ежечасно — я мучился тревожными мыслями о провалѣ на каждомъ урокѣ математики! Если мнѣ скажутъ: это болѣзнь, — пусть такъ, — тѣмъ хуже для гимназій.

И теперь, обдумывая только что описанный случай съ единицей, я задаю себѣ вопросъ: да точно ли возможно обыкновенному преподавателю настолько быть преданнымъ дѣлу, чтобы всегда быть на его высотѣ? Можетъ быть, это потребовало бы сверхчеловѣческихъ силъ? Но сказанное этимъ не опровергается. Дѣло здѣсь все въ той же системѣ балловъ, экзаменовъ, угнетенія, устрашенія, произвола и молчанія, о чемъ я и задался говорить.

Перехожу къ Чайкину.

Не сумѣю сказать, что за человѣкъ былъ Федоръ Петровичъ. Иногда я видѣлъ его въ приступахъ самаго яркаго ненавистничества, иногда же передо мной бывалъ маленькій, заурядный и добродушно-жалкій старичокъ.

— Остричься, повѣса! — слышу я. — Эй, кавалеръ, въ уголъ!

И въ то же время припоминается добродушно-ворчливое:

— Ну, Ленева, голубчикъ, нельзя же такъ, вы подумайте.

То вижу я Чайкина такимъ:

Идетъ онъ большими шагами, ротъ искривленъ, брови нахмурены.

— Эй, ручки въ брючки! Эй ты, оболтусъ! въ форму одѣться! Безъ завтрака, подъ часы!

А то идешь мимо него, — сидитъ онъ въ учительской комнатѣ въ старомъ креслѣ. Ноги крохотныя, беспомощно развѣхавшіяся въ разныя стороны, голова опущена къ землѣ; видна тощая стариковская шея; руки коричневая, безсильныя, сморщенные; мутные глаза неподвижны, точно прислушивается онъ къ безшумной работѣ земли, которая вскорѣ его поглотитъ, — и станетъ мнѣ его жалко, жалко...

Урокъ алгебры. Крупными шагами онъ входитъ въ классъ. Бросаетъ на столъ бальникъ и отходитъ къ окну. Нѣсколько минутъ въ классѣ молчаніе. Кто-то чуть слышно шеле-

ститъ учебникомъ, кто-то крестится, многіе пригнулись къ скамьямъ и пропустили глаза. Всѣ знаютъ, что Чайкинъ спрашиваетъ не по бальнику. Иногда достаточно кому-нибудь столкнуться съ нимъ взглядомъ, чтобы тотъ вызвалъ его къ отвѣту. Мутные глаза Ѳедора Петровича поворачиваются къ намъ. Онъ выскиваетъ жертву. Иногда набираешься отчаянной рѣшимости и, весь дрожа внутри, съ дикимъ спокойствіемъ смотришь ему прямо въ глаза. Это тоже помогаетъ; чаще всего Чайкинъ вызываетъ робко пригнувшихся къ партѣ.

— Ну-ка...—медленно говоритъ онъ и останавливается, ища взглядомъ...—Нордштейнъ.

Слава Богу, мимо! Что-то громадное скатывается съ души. На четверть часа можно быть спокойнымъ. Но впереди еще три четверти!.. И такъ—почти ежедневно.

Диктуется задача. Нордштейнъ робко выписываетъ формулы: „а плюсъ бе, це квадратъ, плюсъ, минусъ“, жалобно пищитъ его слабый еврейскій голосокъ. Чайкинъ съ грохотомъ везетъ по классу свой стулъ и ставитъ его у печки, въ самый уголъ, гдѣ и садится.

— „Иксъ квадратъ, зеть“...—неувѣренно стонетъ у черной доски Нордштейнъ.

Раздается трескъ стула. Ѳедоръ Петровичъ рѣзко поворачивается къ ученику, глаза его блестятъ отъ негодованія.

— Поди сюда!..

Изъ угла комнаты идетъ въ противоположный конецъ къ печкѣ маленький еврей. Губы его закушены, волосы точно ошетинились, глаза погасли.

— Повторяй за мной!—грубо говоритъ Чайкинъ.—Одна свинья. Ну?

Ученикъ блѣднѣетъ и молчитъ.

— Повторяй, тебѣ говорятъ!—выкрикиваетъ Ѳедоръ Петровичъ.—Оглохъ, что ли, ну? Одна свинья...

— Одна свинья.

— Да одна свиная колбаса...

— Да одна... свиная... колбаса.

— Сколько будетъ?

Молчаніе.

Въ классѣ—смѣшки учениковъ. Чайкинъ хитро поглядываетъ на нѣкоторыхъ.

— Языкъ, что ли, проглотилъ? — освѣдомляется онъ, глядя на еврея съ презрѣніемъ.—Ну, сколько будетъ?

— Складывать нельзя... разнородныя, — лепечетъ Нордштейнъ.

— То-то. Теперъ ступай.

Мальчикъ идетъ къ классной доскѣ.

— Два иксъ квадратъ, — снова звенитъ его вздрагивающій отъ слезъ голосъ.—Плюсъ, минусъ...

— Ахъ ты, Господи!—снова возмущается Чайкинъ.—Безтолочь какая! Поди сюда.

Снова идетъ черезъ весь классъ трепещущій Нордштейнъ.

— Рябчикъ жареный!—не такъ сердито говоритъ Ѳедоръ Петровичъ.—Что мозги-то у тебя высохли, что ли? Ну, повторяй за мной: пошла баба на базаръ.

— Пошла баба на базаръ.

— Купила себѣ два поросенка.

Лицо маленькаго еврея, наконецъ, зеленѣетъ отъ этого издѣвательства.

— Купила себѣ... два поросенка, — повторяетъ онъ чуть слышно.

— Пришла домой, зажарила.

— Пришла домой, зажарила.

— Сдѣлались сапоги.

— Сдѣлались... и-и-и!—Классъ оглашается жалобными рыданіями Нордштейна.

Негодующій Чайкинъ подымается съ мѣста. Ротъ его полуоткрытъ, борода съѣхала на сторону, лысая голова вспотѣла.

— Пошелъ къ стѣнѣ!—рѣзко кричитъ онъ.—Да останься на часъ послѣ уроковъ!

Плачущій Нордштейнъ становится въ уголъ. Чайкинъ ищетъ глазами новую жертву. Весь классъ въ смятеніи. Всѣ пригнулись къ партамъ, точно надъ головами проносится неистовый смертоносный циклонъ.

— Ленева!—наконецъ вызываетъ Чайкинъ.

Весь блѣдный, я поднимаю голову и беспомощно осматриваюсь по сторонамъ. Можетъ быть, я ослышался. Всѣ сидятъ пригнувшись, съ искаженными отъ ужаса лицами.

— Ну-ка, Ленева, — ворчливо говоритъ Чайкинъ и киваетъ на классную доску головой.

Сомнѣваться болѣе нельзя. Еле передвигая ноги, я иду какъ на смерть.

— Сотри всю эту мазню,—приказываетъ Федоръ Петровичъ.

Съ страшною медленностью, надѣясь на спасительный крикъ звонка, начинаю я стирать губкой съ доски мѣловыя цифры.

— Скорѣй,—торопитъ учитель.

Дѣлая видъ, что нечаянно, я роняю на полъ губку. Все минуты полторы!

— Эхъ,—вскрикиваетъ Чайкинъ и, взмахнувъ руками, подходит ко мнѣ.—Неряха. Сколько разъ вамъ показываю. Подай губку.

Я подаю съ пола грецкую губку. Чайкинъ вырываетъ ее

изъ моихъ рукъ и, окинувъ меня негодующимъ взглядомъ, начинаетъ самъ стирать цифры.

— Смотри!—приказываетъ онъ.—Всѣ смотрите, вы! Надо сверху прямыми линиями. Вотъ, вотъ! Вы только мажете.

Весь классъ смотритъ, какъ учить мыть доску учитель математики. Я слѣжу только за однимъ: чтобы мытье шло дольше... какъ можно дольше! Скоро ли звонокъ?..

Но вотъ мытье кончено, а звонокъ все еще нѣтъ.

— Пиши!—Чайкинъ диктуетъ задачу.

Ничего не соображая отъ ужаса, я начинаю писать какія-то цифры и буквы. Только инстинктомъ руководствуюсь я; здравый смыслъ давно загнанъ куда-то въ пятки.

Я чувствую, что пишу невѣрно. Но мнѣ все равно: плюсъ, минусъ, „а“ квадратъ, неизвѣстныя... лишь бы звонокъ!..

— Ахъ! ты! Господи! — слышу я за собой возмущенный голосъ.—Да что мозги-то окаменѣли у васъ, что ли? Остолопы!.. Поди сюда.

По стопамъ Нордштейна иду я къ печкѣ черезъ весь классъ. Я вижу передъ собой въ упоръ смотрящіе на меня мутные глаза.

— Повторяй за мной!—приказываетъ Чайкинъ.—Я осель и соловей.

Я вздрагиваю.

— Я осель и соловей.

Ученики хихикаютъ. Угожливо смѣются запуганные рабы.

— Ты осель и соловей,—говоритъ Чайкинъ.

— Ты осель и соловей... — повторяю я съ плохо скрытымъ бѣшенствомъ и отчаяніемъ.

— Онъ осель и соловей.

— Онъ осель и соловей.

— Такъ, что ли?—спрашиваетъ Чайкинъ.—По-твоему, это можно спрягать?

Я молчу.

— Фу... безтолочь! — Федоръ Петровичъ отдувается отъ возмущенія.— Ты складываешь „иксъ“, „игрекъ“—разныя степени. Это все равно, что спрягать „осель и соловей“. Понялъ?

— Понялъ,—говорю я.

— Слава Богу! Ступай къ доскѣ.

Опять начинаются вычисленія. „Да скоро ли звонокъ, Господи!“

Снова за спиною окрикъ.

— Куда поѣхало!.. Поди сюда.

Опять я поворачиваюсь и подхожу къ Чайкину. Весь онъ побурѣлъ отъ негодованія. Ротъ искривлень... остатки желтыхъ зубовъ...

— Это что у тебя? а?—злбно зацѣпляетъ онъ пальцемъ крохотную металлическую палочку отъ часовой цѣпочки, еле видную въ петлѣ за пуговицей.—Тоже франтитъ. Франтъ, ноги коровьи. Учиться мы не учимся, а тоже съ цѣпочкой! Продѣнь ее себѣ въ носъ, какъ верблюду... въ носъ продѣнь! П-пошелъ къ доскѣ!

Мое маленькое лицо все поблѣднѣло отъ оскорбленія. Глотая слезы, я иду къ доскѣ. Отъ слезъ я не вижу ни одной цифры. Но вотъ—благодареніе Богу!—черезъ дверь класса доносится звонъ колокольчика.

Кончено! Сквозь слезы я улыбаюсь... всѣ выпрямляются...

... Не сонъ ли это? Точно ли это все было?...

IV.

Снова въ пансіонѣ.—На гуляньи.—Зубристика.—Свѣтлыя минуты.—Красный флагъ.—Въ театрѣ.

Звонокъ! Это уже послѣдній. Сразу что-то бодрящее охватываетъ душу. Сейчасъ уйдемъ прочь изъ этой гимназіи, отъ этихъ уроковъ, учителей, отъ всего, что мучило и заставляло страдать въ продолженіе пяти часовъ. Нужды нѣтъ что идемъ въ пансіонъ; все-таки не видно сморщенныхъ лицъ преподавателей, не стоитъ прямо передъ глазами черная доска, не лежитъ испещренный единицами классный журналъ. Вотъ мы одѣваемся. Торопливо надѣваю я свое пахнущее какой-то „дезинфекціей“ сѣро-зеленое дряхлое пальто. Вотъ башлыкъ, вотъ калоши. Выстроились въ пары.

Выходимъ изъ гимназіи.

Идти недалеко—пансіонъ тутъ же. Но, идя въ теченіе жалкихъ двухъ-трехъ минутокъ, безконечно лобуешься на солн-

це, на чаклыя деревьяца, на ѣдущихъ и идущихъ людей. Все вокругъ любишь, какъ любить выпущенный изъ тюрьмы. Съ шипѣньемъ растворяются пансіонскія дѣри, и старое хранилище казенныхъ вещей поглощаетъ насъ.

Не долго разбираешься по приходѣ. Звонятъ къ обѣду. Охотно поѣдаешь скудныя пансіонскія яства, не думаешь о томъ, что завтра уроки, и весь въ мечтѣ: сейчасъ на прогулку!

Звенить колоколъ, и воспитанники собираются живо. Здѣсь уже нѣтъ той медленности, которая присуща сборамъ въ гимназію. Нѣтъ и приключеній, и „калошнаго топота“, и „изводки“ воспитателей. Надо идти гулять на „Дворянскую“.

Попарно, по росту, всѣ, отъ мала до велика, выходятъ изъ пансіона. Какъ-то не помнишь, что завтра уроки и прежнія мученія. Украдкой посматриваешь на часы и твердишь:

„Ахъ, если бы время остановилось!“

Въ самомъ дѣлѣ: въ пансіонѣ такъ жутко; тамъ все напоминаетъ о зубристикѣ... а здѣсь, на улицахъ, свѣтло, ярко и хорошо. Что же отъ того, что зимою холодно, а осенью дождить? На улицахъ масса гуляющихъ, попадаются знакомые... „Бараны, бараны!“ насмѣшливо говорятъ встрѣчные проходящіе. Не обижаешься: „баранами“ зовутъ они пансіонеровъ за то, что тѣ гуляютъ кучами, какъ стадо. Что же изъ того, что кучами? Лишь бы гулять. Вотъ идутъ барышни. Мой сосѣдъ слегка краснѣетъ и закусываетъ губу. Вотъ онъ кланяется одной изъ барышень. — „Кто? Кто?“ осыпаютъ его вопросами. Кругомъ улыбаются, шутятъ, завидуютъ, вспоминаютъ. Вотъ еще двѣ барышни: губернаторскія дочки. Какія онѣ красивыя! Вотъ еще — дочери мѣстнаго богача. Типъ восточный. Тонкіе прямые носы, черные волосы, черные глаза... Обѣ тонкія и изящныя. Одна совсѣмъ ребенокъ. Она хочетъ посмотрѣть на кого-то и

наивно прислоняетъ къ лицу маленькіе бѣлые пальцы: точно чешется у нея глазъ.

— Ленева, тебѣ кланяются.

Мы идемъ дальше. Вотъ проходятъ красивыя дамы. Онѣ улыбаются кому-то изъ малышей.

— Семенова мамочка! — смѣшливо передаютъ подростки старшимъ. Гуль катится дальше:—Семенова мамочка!

— Тише, господа,—говоритъ воспитатель, и, если онъ молодой, у него слегка блѣднѣетъ лицо:

— Здравствуйте, Татьяна Васильевна!

Конечно, онъ влюбленъ въ „мамочку Семенова“.

Вотъ мимо проходитъ старый, похожій на сыча, окруженный инспекторъ Котовскій. Синія фуражки съ вѣточками поднимаются надъ головами пансіонеровъ. Окружный инспекторъ кланяется и, стараясь сдѣлать строгое лицо, строитъ такія гримасы, словно жуетъ что-то кислое. Ярко блестятъ на солнцѣ форменныя пуговицы его пальто; одна нога инспектора, желающаго кланяться, все отъѣзжаетъ въ сторону, точно онъ собирается натирять полъ. Вотъ—театръ. Маленькое желто-сѣрое зданіе, напоминающее ренсковой погребъ. Сколько разговоровъ возбуждаетъ одинъ только видъ театра!

— Эхъ, сходить бы!—говорятъ старшіе.—Смотрите: бенефисъ Платоновой. „Адская любовь“. Господа, собираемтесь.

— Инспекторъ не пуститъ: „Адская любовь“.

— Пуститъ, чего тамъ. Проси воспитателя.

Кто-нибудь изъ „любимцевъ“ обращается къ воспитателю:

— Василій Павловичъ, попросите.

Воспитатель почти всегда пугается.

— Да какъ я...—мямлитъ онъ.—Да вы знаете, какой инспекторъ... Да онъ не любитъ...

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста,—просятъ воспитанники.

— Да вонъ тамъ какая-то „Адская любовь“... „Адская“...
Надо спросить священника. Я не знаю.

— Да это простая оперетка... — говоритъ кто-то изъ видавшихъ ее на сценѣ.—Тамъ ничего нѣтъ такого...

— Пошлите ужъ, пошлите,—тревожно соглашается воспитатель.— Можетъ быть, разрѣшить. Только писать я не буду...

Воспитатель вздрагиваетъ. На тротуарѣ внезапно показывается самъ попечитель учебнаго округа. Глаза воспитателя остеклянѣли, руки дрожатъ.

— В-ваше... превосходительство!—говоритъ онъ тономъ безумнаго восхищенія.

Попечитель останавливается. Останавливается все. Кажется, остановились пѣшеходы, остановились экипажи, остановилось самое солнце... Остановилось все.

— А-а,—негромко говоритъ попечитель и смотритъ куда-то внизъ себѣ подъ ноги. Сѣрый замшевый палецъ съ благоговѣніемъ держится трясущейся рукой воспитателя. Попечитель останавливается и молчитъ. Молчитъ все.

Внезапно попечитель вскидываетъ голову.

— А вы не на „Екатерининскомъ полѣ“?

Мгновеніе,—и слѣдъ попечителя простылъ. Точно вознесся онъ на облака или провалился въ преисподнюю. Никого не видно. Что это?. Лицо воспитателя покрылось смертельной блѣдностью, глаза блуждаютъ, руки дрожатъ.

— На...а...задъ!! На...а-задъ!!.— хрипло бормочетъ онъ, какъ-то странно и растерянно дергая губами.— Скорѣй!! Скорѣй!!..

Дядька торопливо поворачиваетъ малышей вспять. Мы идемъ на „Екатерининское Поле“.

Все оживленіе пропадаетъ: на „Екатерининское Поле“—

это такая скука! Неизвѣстно, въ какихъ видахъ купило начальство въ концѣ города кусокъ земли и наставило тамъ шестовъ для гимнастики. Поэтому оно и требуетъ, чтобы подчиненные веселились тамъ. „Веселись“, — ничего не подѣлаешь.

Тоска. Лѣнливо плетутся на „Екатерининское Поле“ пансионеры. День испорченъ. И надо было попасться на дорогѣ этому попечителю!

Проплутавъ среди „висѣлицъ“ и гимнастическихъ шестовъ „Екатерининскаго Поля“, усталые и недовольные возвращаемся мы въ пансіонъ. Настроеніе не улучшается: наступаютъ время зубристики.

Если войти въ это время въ какую-либо изъ „занимательныхъ“ комнатъ,—безразлично, старшую или младшую,— прежде всего слухъ поражаетъ неясный шумъ, похожій на жужжаніе пчелъ. И большіе и маленькіе одинаково бьются надъ уроками; скорѣе болѣе равнодушны младшіе; тогда еще нѣтъ на душѣ иныхъ страховъ, кромѣ боязни остаться „безъ матраца“ или „безъ ужина“. У воспитанниковъ же среднихъ и старшихъ боязнь передъ единицами доходила почти до психоза. Блуждающіе глаза, желтое лицо, пугливая улыбка, нервныя, скачущія движенія—вотъ въ мое время типъ средняго гимназиста. И странно, и жалко припоминать, какъ великовозрастный юноша, одѣтый въ сѣрую форменную рубашку чисто дѣтскаго покроя, волновался и трясся изъ-за недоученнаго перевода, изъ-за непонятой теоремы... Безконечно поражало, какъ громадный мужчина, можетъ быть имѣвшій бы дома цѣлую семью, не только блѣднѣлъ, но буквально зеленѣлъ при входѣ въ классъ преподавателя

или при обыскѣ воспитателемъ въ пансіонскихъ партахъ запрещенныхъ вещей *)).

Я уже говорилъ выше о томъ, какъ система давила и меня. А вѣдь я учился однимъ изъ „первыхъ“ учениковъ. Каково же было другимъ, когда подъ конецъ своего „обученія“ я имѣлъ настолько разслабленную и задерганную память, что было поразительно признаваться самому себѣ... Впрочемъ, это заслуживаетъ того, чтобы сказать подробнѣе.

Дѣло въ томъ, что подъ конецъ ученія со мной сдѣлалось что-то невѣроятное: память совершенно отказывалась работать. Задавали, наприимѣръ, намъ выучить наизусть латинское или русское стихотвореніе. Самымъ тщательнымъ образомъ я училъ его вечеромъ, выучивалъ прекрасно и... съ томленіемъ ждалъ: вотъ я завтра проснусь, начну повторять уроки и—не смогу сказать стихотворенія.

И дѣйствительно: являлось утро, кончался чай, я начиналъ припоминать выученное вчера стихотвореніе и, къ своему ужасу, не могъ сказать ничего, кромѣ первыхъ строкъ. Въ волненіи я снова начиналъ выучку. Снова выучивалъ, шелъ въ классъ, отсиживалъ уроки... и вдругъ за нѣсколько минутъ передъ началомъ того урока, на которомъ меня могли спросить стихотвореніе, мнѣ въ голову заходило:

„Не знаю“...

Сейчасъ же я начиналъ припоминать—и весь блѣднѣлъ: я дѣйствительно ничего не помнилъ, кромѣ двухъ-трехъ начальныхъ строкъ. Я не могу описать тотъ ужасъ, то волненіе, въ которомъ сидѣлъ я на своей скамьѣ. Входилъ преподаватель. И весь часъ, съ минуты на минуту, я замиралъ

*) Такое обыкновеніе въ пансіонѣ держалось крѣпко. Ревизіи назначались всегда внезапно. Это было безобразнѣйшее зрѣлище, когда воспитатель въ сопровожденіи двухъ дядекъ стремительно бѣгалъ отъ одной парты къ другой въ жаднѣ „изловить“ запретное (табакъ, нѣкоторыя книжки).

отъ ужаса въ ожиданіи: вотъ-вотъ меня „вызовутъ“... И такъ бывало въ продолженіе двухъ лѣтъ на каждомъ урокѣ, когда задавали намъ выучивать наизусть.

Надо замѣтить, что спрашивали меня рѣдко. Учителя находили, что читать стихотворенія я умѣю и, къ моему счастью, меня не трогали... развѣ только прибывало какое-нибудь начальство и надо было „показать товаръ лицомъ“.

И вотъ однажды меня вызвали именно передъ начальствомъ. Мигомъ все смѣшалось въ моей головѣ. Весь блѣдный, ничего не сознавая, я началъ читать Жуковского:

„Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой“.

Я сказалъ двѣ строки и остановился. Дальше я не зналъ. Задавленная память отказывалась работать. Я молчалъ. Окружавшіе меня гимназисты всколыхнулись. Блѣдное лицо учителя повернулось ко мнѣ.

— Не знаю,—угрюмо сказалъ я и сѣлъ на мѣсто. Волосатое лицо окружнаго инспектора уставилось на меня. Я до сихъ поръ помню высохшее желтое лицо съ черными волосами на носу...

— Ленева, вы не знаете?.. — удивленно переспросилъ учитель и закашлялся.—Вы?.. Вы?..

— Не знаю,—хмуро отвѣтилъ я, не вставая.

Окружный инспекторъ какъ-то протяжно усмѣхнулся. Неизвѣстно, почему мнѣ моя выходка прошла даромъ.

„Свѣтлыя минуты“ пансіона—это будничное неученіе въ гимназій по случаю мороза. Дѣло въ томъ, что суровый климатъ нашей стороны обратилъ на себя вниманіе „правящихъ сферъ“. Учебнымъ начальствомъ было сдѣлано постановленіе, что при морозѣ свѣше извѣстнаго числа градусовъ (цифру я забылъ) учащіеся и учащіе въ правѣ не приходять

въ гимназію. На городскихъ каланчахъ въ ознаменованіе праздника выкидывался красный флагъ... Какъ оживлялся нашъ старый пансіонъ!

Еще укладываясь наканунѣ спать, кто-нибудь изъ особенно интересующихся температурой рассказывалъ товарищамъ:

— Смотрѣлъ я, господа бараны, на градусникъ и тамъ сейчасъ свыше двадцати.

— Дай-то, Господи!—вздыхали товарищи.

Кто-нибудь изъ проснувшихся ночью непременно подходитъ къ термометру за окномъ „умывалки“: нѣтъ ли желаемого количества градусовъ. Утромъ мы просыпаемся—и первый взглядъ, конечно, на окна.

— Смотрите, какъ заледенѣли!—въ восторгѣ шепчетъ кто-то.

— Не будемъ! Не будемъ!—ликують въ разныхъ углахъ.

За утреннимъ чаемъ не сидится: вдругъ переѣмнится температура, перестанетъ вѣтеръ... мало ли что можетъ случиться!

Старшіе воспитанники отправляются въ швейцарскую.

— Что, Иванъ, сильный вѣтеръ?

— Съ ногъ валить. Такъ и рветъ.

— Слава Цицерону.

Старшіе разносятъ благую вѣсть.

Принимается она радостно, но все еще съ неувѣренностью. До отхода въ гимназію еще почти два часа: вдругъ температура переѣмнится, перестанетъ вѣтеръ...

Проходитъ еще четверть часа. Въ коридорѣ, у градусника, цѣлая толпа.

— Черкните спичку,—бормочетъ кто-то.—Плохо видно.

— Двадцать пять градусовъ, господа бараны. Ей-Богу.

— Врете вы все. Петровъ, посмотрите. Василенку вѣрить нельзя.

— Даже около двадцати шести. Пустите, пустите, раздавили!

Къ толпѣ подходитъ одинъ изъ дядекъ.

— Господа, разойдитесь,—говоритъ онъ.—Сейчасъ придетъ воспитатель, увидитъ. Нехорошо.

На него никто не обращаетъ вниманія. Дядька уходитъ донести воспитателю.

— Разойдитесь, разойдитесь!—кричитъ воспитатель, подбѣгая. Мелкота прыскаетъ въ разные стороны. Остаются только тѣ, которые посмѣлѣе.

— И какъ не совѣстно!—огорченно говоритъ воспитатель и морщитъ носъ.—Вѣдь большіе... Ну, ужъ и любите вы поучиться, нечего сказать!

На него исподтишка бросаютъ злобные взгляды. Поучиться—это значить получать единицы, оскорбленія, трястись и мучиться.

— Господа, флагъ!—вдругъ выкрикиваетъ кто-то дрогнувшимъ голосомъ.

Происходитъ смятеніе. Всѣ разомъ бросаются къ окну. Давка и крики. Всѣ спѣшатъ удостовѣриться лично.

— Флагъ! Флагъ!—разносится по пансіону.

Въ самомъ дѣлѣ: на каланчѣ, на вѣтру, бьется спасительная красная тряпочка.

— Ур-ра!—громомъ катится по пансіону. Воспитанники куда-то бѣгутъ, обнимаются, швыряютъ въ разные стороны книжки и кричатъ восторженно:

— Красный флагъ!

Въ одной изъ занимательныхъ раздается оглушительный трескъ: то разомъ, по командѣ, были брошены приподнятыя крышки партъ. Это называлось „дать салютъ“, „дать пушечный выстрѣлъ“ по случаю торжества.

Поблѣднѣвшій воспитатель вихремъ уносится въ сопровожденіи „адъютантовъ“ на выстрѣлъ.

— Безобразіе! Безобразіе!—кричитъ онъ.—Кто стучалъ? Конечно, полное молчаніе.

Воспитатель входитъ въ слѣдующую занимательную. Вдогонку несется громогласная пѣснь:

„По у-лицамъ хо-ди-ла
Воль-ша-я кро-ко-ди-ла“.

Въ бѣшенствѣ воспитатель бросается назадъ.

— Кто пѣлъ?..

Опять молчаніе. Только если въ это время оказывается дежурнымъ воспитатель „Щелкунъ“, изъ заднихъ рядовъ начинается чуть уловимое щелканье языками. Щелканье ведется мастерски: по лицамъ нельзя отгадать, кто именно щелкаетъ...

Услышавъ щелканье, воспитатель блѣднѣетъ.

— Пощелкайте, пощелкайте, я подожду,—говоритъ онъ и садится. Но въ это время въ слѣдующей занимательной слышится второй залпъ, и воспитатель съ бранью уносится къ безобразникамъ.

Между тѣмъ старшіе гимназисты уже въ буфетной комнатѣ. Звенятъ серебряныя деньги. Служителей посылаютъ за чаемъ, за булками, за сахаромъ и колбасой. Нѣкоторые служители уже стаскиваютъ въ обѣденной комнатѣ со столовъ скатерти: воспитанники будутъ пить праздничный чай; а такъ какъ торжество внѣ программы, то и скатерти не полагаются.

Но мы ихъ и не ищемъ. Уже собраны деньги на угощеніе. Вотъ за рядомъ столовъ размѣщаются пирующие. За каждымъ столомъ собираются свои компаніи. Старшіе сидятъ совершенно особнякомъ, и на иномъ столѣ предсѣдатель-

ствуетъ кургузый малышъ, котораго выбрали главноначальствующимъ за то, что вчера ему мамаша принесла леденцовъ.

Угрюмый воспитатель отсутствуетъ. Поэтому за столами шумно и весело. Здѣсь не чинятся говорить, смѣяться и пѣть. Только тогда, когда пѣнье дѣлается слишкомъ громкимъ, въ столовую заглядываетъ воспитатель. Онъ все недоволенъ. Чѣмъ?

До самаго завтрака идетъ чайное пиршество. Въ большія груды свалены плюшки, французскія булки, пончики и сахарные кренделя. Тарелокъ и салфетокъ не дается, булки лежатъ прямо на столахъ. Подлѣ помѣщаются и клочки оберточной бумаги: это и есть импровизированныя салфетки для ртовъ и рукъ.

За завтракомъ къ казенному не прикасаются; пансіонеры уходятъ изъ столовой и въ коридорныя окна видно, какъ угощаются пансіонской пищей служители и сторожа. Послѣ завтрака опять пьютъ чай и въ три часа также не обѣдаютъ... хоть одинъ-то день на своемъ, безъ казеннаго!.. Не занимаются и вечеромъ: заниматься въ „праздничный“ вечеръ считается „мовэ-сюжэ“, — признакомъ дурного тона... Такъ празднуется въ пансіонѣ морозный день.

Теперь о театрѣ.

Какъ я уже говорилъ, разрѣшеніе купить ложу въ театрѣ давалось намъ инспекторомъ рѣдко. Нужно было, чтобы пьеса входила „въ кругъ предначертаній“, чтобы воспитанники заслуживали подобнаго удовольствія и чтобы инспекторъ находился въ фазѣ благоволенія... Когда же всѣ требуемыя условія складывались для гимназистовъ благопріятно и приносилось „разрѣшаю“ инспектора, радостямъ не бывало конца.

Тотчасъ же на извозчикѣ посылался за ложей дядька. Безъ дядьки пансіонеровъ, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не отпускали. Въ ложу набивалось насъ видимо-невидимо. Я теперь прямо недоумѣваю, какъ въ крошечную ложу провинціального театрика набивалось 12—15 гимназистовъ. Меньше же насъ, кажется, никогда не хаживало.

Живо откладываются книжки. Не выучилъ всего,—это вѣрно; завтра будетъ трудно,—это вѣрно. Придемъ во второмъ часу ночи, а вставать въ шесть,—это тоже вѣрно... Ну, да все въ сторону... Только бы на нѣсколько часовъ отойти отъ казенной руки!

Вотъ семь часовъ. Вотъ половина восьмого. Лаврентій, что же?

— Воспитатель просматриваетъ списокъ.

— Господи, опоздаемъ!

— Конечно, опоздаемъ. Сельдерей. Пучеглазый.

— Господа, знаете, инспекторъ пришелъ!

Мы ежимся: вдругъ раздумаетъ?.. Вдругъ кого-нибудь „исключить“?

Робко и молитвенно смотримъ мы на инспектора, мимо проходимъ какъ мыши и неслышно надѣваемъ пальто. Инспекторъ смотритъ черезъ очки. Господи, пронеси мимо!

Вотъ мы уже выстроились попарно. Вотъ воспитатель съ бумажкой. При инспекторѣ онъ хмурится особенно дѣловито и считаетъ насъ, обходя, какъ гусей.

— Пара... двѣ; четыре... Иванцовъ, Ткаченко,—четырнадцать... все вѣрно.

Улыбающійся швейцаръ (милый швейцаръ!) спѣшно распахиваетъ двери. Мы выходимъ. Ухъ, на свободѣ... Робко мигаютъ милые керосиновые фонари. Тихо смотрятъ милыя кургузья деревья... Сколько вокругъ самой интересной, чудесной публики!.. Какъ хорошо жить на свободѣ и какъ

темно у насъ въ тюрьмѣ! Вотъ театральные фонари. Вотъ околоточный надзиратель. Милый околоточный надзиратель! Онъ улыбается. Фу, какъ хорошо пахнетъ въ театрѣ керосиновыми лампами! Торопливо сбрасываемъ мы въ углу ложи свои шапки, калоши и пальто. Что жъ изъ того, что шапка лежитъ рядомъ съ калошами? — Сейчасъ начнется представленіе!

— Купили ли афишу?—спрашиваетъ кто-то тревожно.

— Купили, конечно. Вотъ она. Господа, не раздавите маленькихъ.

Малютокъ мы не забываемъ. Малютки сидятъ у насъ на стульяхъ, а мы всѣ стоимъ.

Что такое? „Продавецъ птицъ“... Чудесно, прекрасно.

— Инспекторъ меня спрашиваютъ,—говоритъ улыбающійся дядька Лаврентій.—Не знаете ли вы, что такое „Продавецъ птицъ“? Я говорю: „Такъ, ничего,—птицъ, говорю, продаютъ. Смотрѣть можно“.

Лаврентій, конечно, прихвастнулъ и желаетъ „понравиться“; но—сейчасъ поднимается занавѣсъ!

— Господа, пожалуйста, не аплодируйте,—проситъ дядька,—мнѣ нагорить, да и васъ пускать не будутъ.

— Хорошо, хорошо... А что, Вольская участвуетъ?

— Участвуетъ, вотъ...

Мы, средніе, съ завистью смотримъ на старшихъ: до насъ что-то доходитъ! Какъ-то разъ Сидорчукъ говорилъ: „Вольская вчера поклонилась Трубину. Говорятъ, онъ за ней ухаживаетъ“...

Мы съ гордостью поглядываемъ на читающаго афишу Трубина. Вотъ, вырастемъ, и тоже будемъ кланяться Вольской... Тоже будемъ ухаживать.

Однако поднимается занавѣсъ. Сколько красавицъ! Всѣ поютъ.

Почему-то насъ чаще всего пускали на оперетки. Но я не рѣшаюсь поставить это всецѣло въ вину начальству. Вѣроятно, въ городѣ, не имѣвшемъ постоянной труппы, чаще всего и подвизалась оперетка... Но все же начальство и здѣсь не безъ грѣха. Намъ, помнится, не разрѣшали ходить на нѣкоторыя драмы. Я вспоминаю и объясненія воспитателя. „Тамъ въ нехорошемъ свѣтѣ выставлена семья, тамъ высмѣиваются патріотическія чувства“... Намъ было это говорено.

Какъ бы то ни было, въ погонѣ за нашей чистотой, начальство отпускало насъ почти исключительно на оперетки. И надо сказать правду, къ опереткѣ въ насъ поселили любовь необычайную. Мы распѣвали опереточные мотивы, танцовали веселыя опереточныя „па“, и познакомиться съ опереточной артисткой считалось нами за высшую честь.

Открылся занавѣсъ, несутся невѣроятныя опереточныя пошлости, часто глупыя, часто двусмысленныя... мы задыхаемся отъ наслажденія. Вотъ толстый комикъ поетъ куплеты.

— Bravo, бисъ! — оглушительно кричимъ мы изъ своей ложи. Мы забыли увѣщанія дядьки, не слышимъ его предостерегающаго шопота и, аплодируя во всю, не сводимъ глазъ съ своего любимца.

Вотъ антрактъ. Мы долго вызываемъ толстаго куплетиста, считая пропѣтое имъ за живѣйшее остроуміе. Вотъ народъ направился изъ залы въ коридоры театральное фойѣ. Съ завистью проходимъ мы мимо фойѣ. Тамъ пьютъ кофе, кушаютъ фрукты... а намъ туда входить воспрещено.

Вотъ кто-то изъ товарищей — счастливецъ! — встрѣтилъ среди знакомыхъ бѣленькую барышню и ходитъ съ нею рядомъ по коридору, рассказывая что-то смѣшное... Онъ такъ счастливъ, что совершенно не замѣчаетъ насъ и все

говорить и говорить... Ахъ, вотъ въ сторонѣ мелькнуло коротенькое розовое платье... Вотъ маленькія розовыя туфельки, мягкій, наивный голосъ, доверчиво улыбающіеся каріе глаза, черные вьющіеся волосы... Ахъ, мы идемъ домой! Спектакль кончился.

Мороситъ дождь. Мы плетемся по неровному тротуару. „И зачѣмъ было идти?“ Вотъ—второй часть. Въ шесть вставать... Неготовые уроки... теоремы... „Водопадъ“ Карамзина... „Представьте себѣ большую рѣку“... Ахъ, скверно!

Злые и молчаливые, мы раздѣваемся въ швейцарской и хмуро идемъ по голой каменной лѣстницѣ во второй этажъ, въ спальныя комнаты... Какъ тяжело!

Вотъ въ углу коридора сидитъ съ блѣднымъ, истомленнымъ лицомъ ночной сторожъ, капралъ. Подлѣ него на столѣ старыя желѣзныя очки, какая-то заластанная книжка, часы съ будильникомъ. Устало-равнодушно смотритъ онъ на насъ; сидѣлъ онъ вчера, третьяго дня, годъ тому назадъ, пять, десять лѣтъ... и будетъ еще сидѣть—и завтра, и послѣзавтра, и черезъ мѣсяцъ, и черезъ два года, пока не умретъ или не прогонятъ. Сколько видѣлъ онъ ученическихъ смѣнъ! Передъ его глазами въ пансіонѣ поступали, учились, росли выходили; появлялись новые, учились, томились, умирали опять уходили... Всегда у насъ къ слову „капралъ“ приславалось что-то тяжелое и пугающее. Мы не знали ни его имени, ни фамиліи; мы знали только, что былъ онъ „капралъ“, что у него были угрюмые глаза, черныя косматыя брови, опущенная книзу голова и длинная бѣлая борода лопатой... Про капрала говорили также, что на одномъ его ночномъ дежурствѣ бросился внизъ съ лѣстницы одинъ гимназистъ. Говорили про него, что онъ былъ лунатикъ... Все это было страшно.

Съ нервной дрожью залѣзаю я подъ колючее казенное

одѣяло. Проходя по коридору, я взглянулъ на часы. Два. Спать можно только четыре часа! Уроки не приготовлены, завтра математика... Чайкинъ... Ахъ, плохо! И зачѣмъ было ходить въ театръ?..

Тихо. Спящіе говорятъ что-то сонными голосами. Вотъ вскрикнули... Вотъ у кого-то упала подушка. Вотъ встаетъ кто-то бѣлый... Лучше закрыться съ головою.

Темно. Милый родной домъ! Тамъ всѣ теперь спятъ. Или, быть можетъ, мама тихо шепчетъ свои молитвы и думаетъ обо мнѣ... Славный, чудесный домъ! Ты далеко, за сто двадцать верстъ... а здѣсь такъ холодно, такъ чуждо... Мама, да слышишь ли ты меня?..

Чу, шорохъ. Розовое платье, розовыя щеки, розовыя туфельки легко скользятъ по паркету. Медленно я подхожу. Улыбается тонкое, невинное лицо. Глаза смотрятъ застѣнчиво-откровенно. Вотъ тихая пальма въ углу полутемной гостиной. Мы сидимъ рядомъ. Улыбается тонкое, невинное лицо... „Я васъ помню“... Ахъ, звонокъ!.. Пансіонъ пробуждается.

V.

Въ больницу.—Докторъ, фельдшеръ, служитель Салимбай.—Безъ начальства.

Когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, живя въ пансіонѣ, я нерѣдко молился такъ:

— Господи, пошли мнѣ какую-нибудь серьезную болѣзнь, чтобы попасть въ больницу и хворать долго-долго!

И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы я ни болѣлъ,—а иногда и очень серьезно,—я ни на минуту не раскаивался въ своихъ моленіяхъ: до того въ гимназій и пансіонѣ было мучительно-тошно.

Захворавшему у насъ завидовали, быть можетъ, такъ, какъ выигравшему двѣсти тысячъ. Хворать — на нашемъ языкѣ значило не слышать голоса учителей, не получать единицъ, выговоровъ, не видѣть ненавистныхъ древнихъ исключеній,—словомъ, значило быть счастливымъ.

Для того, чтобы получить это счастье, дѣлалось многое. Напившись горячаго чаю, дышали зимой въ форточку; приставивъ къ груди остріе ножа, смотрѣли на него въ теченіе получаса скошенными глазами, чтобы заболѣла голова; были и такіе, которые, чтобы избѣжать уроковъ, нарочно съ разбѣгу ударялись объ уголь рукой или колѣномъ... Припоминая все это, я съ ужасомъ думаю: вѣдь не всѣ же мы были „лѣнтяи и тунеядцы!“ Какова же была обстановка „воспитанія и обученія“, если четырнадцатилѣтніе шли на это...

Попытаюсь дать небольшую картинку на „больничную тему“.

Утро. Полчаса девятого. Черезъ пятнадцать минутъ отправка на занятія. Въ швейцарской лихорадочное оживленіе. Нѣсколько человѣкъ съ растерянными лицами торопливо надѣваютъ пальто и бѣгутъ въ больницу. (Больница тутъ же, во дворѣ пансіона.)

— Чортъ! Не оставитъ!—бормочетъ кто-то.—Если прогонитъ,—физику какъ-нибудь выучу на Божьемъ законѣ, а вотъ тригонометрію... Мало будетъ „нѣмецкаго“ часа.

— Оставитъ, оставитъ,—успокаиваютъ говорившаго.—Не уйдемъ,—и все. Хоть самому плѣшивому *) жалуйся...

Бѣгущихъ въ больницу малышей останавливаетъ дядька.

— Смирновъ 2-ой, Ликинъ, Федотюкъ... Назадъ. Сейчасъ строиться!.. **).

— Да мы на минутку только, Лаврентій Ивановичъ,—присительно твердятъ малыши.

— Сейчасъ запишу,—угрожаетъ Лаврентій и вынимаетъ изъ рукава карандашъ.—Смирновъ 2-ой, Федотюкъ...—чертитъ онъ на бумажкѣ.

*) Т.-е. директору.

**) Къ отходу въ гимназію.

Часть малышей бросается вразсыпную.

Въ самой больницѣ шумно. Народу не мало. Всѣ „чающе“.

Вотъ у окна стоитъ докторъ съ фельдшеромъ. Докторъ—сытый, толстый; красивый; фельдшеръ—маленькій, остроносый и юркій. Передъ докторомъ въ рядъ выстроилось нѣсколько подростковъ. Въ рукахъ фельдшера склянка съ ляписомъ и дугообразная кисть.

— Ну-ка, покажите горло,—говоритъ докторъ одному изъ больныхъ.

— А-а!—дѣлаетъ гимназистъ и бьетъ: привычная рука доктора вертитъ кистью въ его горлѣ.

— Теперь идите.

— Какъ?—удивляется гимназистъ.

— Это неопасно. Идите, занимайтесь.—Докторъ улыбается.—Живо пройдетъ.

— Я... не могу,—съ отчаяніемъ говоритъ пансіонеръ.—Я серьезно боленъ, докторъ... Петръ Филипповичъ, право.

— Э, батенька!—Докторъ машетъ рукой.—Видите, сколько. Куда мнѣ васъ всѣхъ положить...

— А-а!—дѣлаетъ другой гимназистъ.

— У васъ что? У васъ...—разспрашиваетъ докторъ.

Въ углу двое шепчутся.

— Если онъ не оставитъ, я все равно убѣгу послѣ большой перемѣны. А ты вели татарину принести чаю, купите булокъ и ждите... Ступай пока къ крану: намочи волосы и взерошь хорошенько.

— Вамъ чего, мелкота?—обращается докторъ къ кучкѣ коропузовъ.

— Больны, Петръ Филиппычъ,—пищатъ тѣ.

— Салимбай, дай-ка касторки.

Изъ-за угла показывается служитель-татаринъ съ огромной бутылью.

Въ паникѣ малыши улепетываютъ въ пансіонъ.

А вотъ тоже малышъ. Костлявыя ручонки запрятаны въ рукава куртки, лицо красное, все покрыто сыпью.

— Ну, а ты что? — улыбающееся лицо доктора вдругъ дѣлается серьезнымъ. — Э-э-э, — говоритъ онъ. — Сюда не ходи. Салимбай, въ заразное.

Служитель беретъ за руку перепуганнаго мальчика и ведетъ его прочь.

— Ну-ну, — добродушно-весело говоритъ онъ. — Ничего не будитъ. Все будитъ хороша. Иди, ваше благородія. Ай, плакать нельзя: барышнямъ смотреть, барышнямъ смѣется... какъ ви думаешь, ваше благородія?..

Малышъ плачетъ и улыбается.

Вотъ на койку ложится плутоватый подростокъ. Съ строгими гримасами фельдшеръ даетъ ему термометръ.

— Поставьте.

Морщась, точно отъ боли, ставитъ гимназистъ себѣ градусникъ. Фельдшеръ ушелъ. Осторожно, осматриваясь, вынимаетъ „больной“ термометръ и осторожными щелчками „поддаетъ ему жару“, повернувъ сверху ртутью.

— Тридцать восемь и пять, — шепчетъ онъ и укладываетъ термометръ на прежнее мѣсто. — Это достаточно.

— Ну-те-ка-сь, — говоритъ подошедшій фельдшеръ. Нахмурившись, долго смотритъ онъ на градусникъ. Брови его поднимаются.

— Ого! — значительно цѣдитъ онъ сквозь зубы. — А на видъ ничего... Вы не настукали?

— Ну вотъ; честное слово.

Фельдшеръ идетъ докладывать доктору.

— Должно быть, мѣстная... фебрисъ интермиттенсъ, — глубокомысленно замѣчаетъ онъ доктору. Тотъ занятъ разговоромъ съ вошедшимъ воспитателемъ.

— Положите его. Пусть... Такъ вы говорите, ознобъ? Покажите-ка языкъ...

Воспитатель показываетъ.

— Простуда, конечно, — опредѣляетъ докторъ.

Въ сторонѣ съ оживленіемъ прислушиваются гимназисты.

— Слава тебѣ, Господи! — шепчетъ кто-то. — Кажется, захворалъ. Не придетъ на уроки. Я тебѣ говорилъ...

— А можетъ, онъ не серьезно боленъ?

— Seriously. Видишь, ругается.

Дѣйствительно, вышедшій отъ доктора воспитатель обрушивается на гимназистовъ.

— Господа, господа. Въ гимназію. Сейчасъ звонокъ, а вы тутъ вертитесь. Что же мнѣ въ уголъ васъ ставить, что ли? Вѣдь большіе... Экое мальчишество!

Воспитатель забираетъ отъ доктора рецептъ и идетъ къ пансіону.

— Петръ Филипповичъ, — обращается къ доктору кто-то изъ „выпускныхъ“, — пожалуйста, оставьте, ничего не знаю.

— Ахъ, ну, ну, — говоритъ докторъ и осматривается. — Вѣдь вашихъ уже трое. Оставайтесь. Ужъ чего тутъ!

„Счастливые“ скромно усаживаются въ больничныхъ покояхъ. Вотъ десять часовъ. Изъ пансіона, конечно, ушли. Теперь свободно.

Разомъ появляется оживленіе. Всѣ сходятся какъ тараканы изъ щелей и угловъ. Татаринъ Салимбай живо устраиваетъ столъ. Здѣсь не пансіонъ, — стелютъ скатерть. Разсыпая въ разныя стороны прибаутки, Салимбай спѣшитъ за чаемъ, сахаромъ и булками. Старшіе собираются за столъ въ ожиданіи. Начинается смѣхъ; слышны шутки. Свободно. Чудное, счастливое время! Улыбаются даже больные „настоящему“.

— Какой хорошій барышнямъ сейчасъ встрѣтилъ, — смѣ-

ется Салимбай, появившійся съ угощеніями,— глазами такъ и стрѣляетъ!

Старое, поношеное лицо Салимбая полно оживленія. Дергается изъ стороны въ сторону сѣдая клинообразная борода. Умные глаза все искрятся, все смѣются.

— Захворала нашъ преподаватель, — рассказываетъ онъ, ловко разставляя на столѣ кружки и тарелки.— Болитъ печенкамъ, болитъ селезенкамъ... Изругалъ меня — страсть!

Слушая рассказы, воспитанники съ благоволеніемъ осматриваютъ больничный потолокъ, стѣны и занавѣски. Занавѣски и стѣны — такія же, какъ въ пансіонѣ, и нѣтъ на стѣнахъ ничего, кромѣ иконы и термометра, а дышится какъ-то свободно, и казенныя стѣны кажутся не казенными. Поданъ чай.

— Салимбай, вотъ тебѣ кружка.

Скромно садится къ сторонкѣ татаринъ. Изъ аптечной комнаты доносится звонъ склянокъ и легкое покашливанье.

— Евграфъ Тимошеевичъ, чай пить.

— Я сейчасъ, господа, — кричитъ изъ своей комнаты фельдшеръ.— Только соображу...

Никто не допытывается, въ чемъ именно заключаются „соображенія“ фельдшера. Разговоръ дѣлается шумнымъ. Салимбай пьетъ чай и все посматриваетъ, не подкрадывается ли начальство.

Въ самый разгаръ чаепитія входитъ фельдшеръ. Губы его улыбаются сдержанно-покровительственно, пальцы привычно играютъ цѣпочкой часовъ, на которой болтается побурѣвшая медаль съ надписью: „Не намъ, не намъ, а имени твоему“.

Евграфъ Тимошеевичъ морщитъ лобъ. Онъ любитъ показывать, что онъ — серьезный человекъ, и съ этою цѣлью въ разговоры свои часто вставляетъ латинскія цитаты и названія медикаментовъ.

— Сегодня я растиралъ, господа, кали броматумъ...

Конечно, его никто не слушаетъ: кому нужно „кали броматумъ“ стараго фельдшера!

— Салимбай, а ты давалъ капли Сироткину?— дѣловито освѣдомляется онъ у служителя.

— Давалъ, конечно... А какъ ви думаешь, ваше благородія?

Откровенно сказать, Салимбай немного посмѣивается надъ фельдшеромъ. Среди гимназистовъ ходитъ молва, что познанія Салимбая даже обширнѣе познаній его начальника... Между тѣмъ, въ скоромъ времени разговоромъ увлекается и самъ фельдшеръ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ — большой знатокъ въ политическихъ дѣлахъ.

— Англія! — выкрикиваетъ онъ, размахивая руками. — Она всему злу корень! Я бы ее такъ тряхнулъ, что изъ нея бы „пульвисъ“ *) посыпалась!

Бесѣда затягивается надолго.

Хочется мнѣ закончить эту главу сценкой изъ давняго прошлаго. Я — еще маленькій, двѣнадцатилѣтній. Ночь. Монотонно стучатъ часы. Громадныя окна завѣшены запыленными сѣрыми драпировками. Съ потолка свѣшивается унылая казенная лампа. Отъ ея абажура на бѣлой стѣнѣ раскинулась черная тѣнь, похожая на фантастическую птицу. Желтый деревянный, тоже казенный, столъ стоитъ посреди комнаты. Это пансіонская больница.

На тощемъ мочальномъ тюфякѣ лежу я. У меня лихорадка, и больничный фельдшеръ надавалъ мнѣ хины въ огромныхъ облаткахъ, похожихъ на серебряныя рубли. Одну изъ нихъ

*) Пыль.

я кое-какъ проглотилъ, остальные двѣ спряталъ подъ матрацемъ кровати.

Въ головѣ стучить. Поташниваетъ. Давитъ грудь.

Дзнн... дзнн... дзнн...—звенитъ въ ухѣ, точно надъ головой ведетъ свою пѣсню назойливая оса.—Дзнн... дзнн... Тошнить. Кружится голова.

Это оса... Ихъ было такъ много. Огромныя синія ставни готическихъ оконъ были усѣяны ихъ красивыми гнѣздышками. Нашъ милый, милый старинный домъ! Когда мы пріѣхали туда въ первый разъ,—въ первый разъ почувствовалось, что въ деревнѣ тихо.

Прежде—городская жизнь: вокзалъ, извозчики, знакомые, грохочущая мостовая... Здѣсь—безконечно тихо. Спятъ маленькія крестьянскія избы, спитъ тополевыи лѣсъ, давнымъ-давно заснулъ нашъ старый помѣщичій домъ.

Я не помню того, что было въ немъ нехорошаго. Я забылъ. Не хочу вспоминать.

Къ этому дому, какъ къ старому, чуть живому старику, я не чувствую презрѣнія.

Огромныя двери, молчаливая таинственная пустота темноватыхъ комнатъ; сырой, тоже таинственный воздухъ нежилого дома. Портретъ улыбающейся красавицы съ прекрасными кудрями. Красавица, кто ты?—говорю я теперь.—Кто цѣловалъ твое лицо, твои смѣющіяся губы? Я не знаю твоего имени. Скажи мнѣ, какъ ты жила здѣсь? Какая изъ комнатъ была твоей, гдѣ ты спала, гдѣ одѣвалась? Не ты ли читала эту маленькую французскую книжку? Когда и зачѣмъ ты умерла? Жутко.

Дзнн... дзнн...—въ комнату снова ворвалась оса. Вотъ она носится надъ моей головой.—Дзнн... дзнн... Тошнить. Тяжело.

Старый служитель возится на кровати. Кажется, спитъ

онъ плохо. Ему грезится домъ. Ужъ десять лѣтъ, какъ онъ не былъ на родинѣ. Въ прошломъ году у него умерла жена, а передъ этимъ сына, рабочаго, убили на желѣзной дорогѣ. За что?.. Дзнн... дзнн... Опять эта противная оса!..

Какъ пахнетъ липами! Милое блѣдное лицо матери. Она тихо, печально улыбается и гладитъ меня по головѣ. Вотъ еще лицо. Старое, больное, изморщенное. Слезятся глаза.

— Сына то мо-его убили!—Старуха плачетъ.—И на похороны нѣту... Нѣтъ ни копейки.

Безконечно-назойливая унылая пѣсня звенитъ въ головѣ. Давитъ сердце. Безпокойно возится на кровати и вздыхаетъ старикъ.

VI.

Смерть Шолохова.—Немногое о церкви.

Приходится говорить объ эпизодѣ, оставившемъ во мнѣ неизгладимое воспоминаніе.

Было мнѣ тогда одиннадцать лѣтъ. Когда мнѣ рассказали, что у насъ въ умывальной комнатѣ повѣсился ученикъ седьмого класса Шолоховъ, мнѣ ничуть не было страшно. Показалось такъ, что „повѣсился“—значить: игралъ, дѣлалъ гимнастику и зацѣпился за что-то.

Случилось это утромъ. У старшаго за моимъ столомъ, во время чая, все дергалось лицо и кружка стучала о зубы. Кто-то всхлипывалъ въ зимнемъ сумракѣ. Воспитатель сидѣлъ, не прикасаясь къ чаю, и неподвижно смотрѣлъ передъ собой на скатерть. Ждали инспектора. Служители ходили тише обыкновеннаго и говорили все какими-то особенно свистѣвшими голосами. Прибылъ инспекторъ. Насъ, малень-

кихъ, заперли въ младшей занимательной и не выпускали долго. И только подрости, мы узнали, что Шолохову грозило исключеніе изъ гимназіи. Но изъ-за чего онъ повѣсился? Это осталось для насъ тайной.

Увидали мы Шолохова только на отпѣваніи. Въ пріемной комнатѣ стоялъ гробъ, и изъ желтаго ящика глядѣло на насъ блѣдное лицо. Больше мы ничего не видѣли.

Горѣли большія свѣчи. Пришелъ священникъ. Что-то тихо говорилъ съ инспекторомъ и учителями. Дьяконъ рѣжущимъ слухъ басомъ тянулъ похоронныя мелодіи; тихимъ, жалобнымъ теноркомъ подтягивалъ ему священникъ. Сначала я смотрѣлъ, какъ у поющаго дьякона багровѣла отъ натуги шея. Потомъ страшныя слова молитвъ, заунывные напѣвы охватили меня... Съ ужасомъ и тоской я началъ молиться.

— Лeneвъ,—раздался за мной чей-то хриплый голосъ. Я не сразу обернулся.

— Лeneвъ, подтяни брюки!—громкимъ шопотомъ приказалъ мнѣ дядька.—Всѣ оттопталъ.

Что-то суровое накатилось на душу. Внезапно съ острой яркостью я понялъ, что въ громадномъ каменномъ мѣшкѣ я совсѣмъ одинокъ, что тѣ, кто меня любятъ и понимаютъ, за сто верстъ, а здѣсь, вокругъ меня, чужіе, суровые, нечуткіе и недобрые люди... Послѣ отпѣванія мы ѣли „кутью“. Я все думалъ о блѣдномъ лицѣ Шолохова, и почему-то казалось мнѣ, что я тоже скоро буду лежать въ крошечномъ ящикѣ, и лицо у меня будетъ такое же блѣдное и спокойное, далекое отъ гимназіи, пансіона и единицъ.

Не могу удержаться, чтобы не сказать здѣсь немногое о церкви.

Когда кого-нибудь изъ пансіонеровъ оставляли безъ отпуска, онъ прежде всего съ ужасомъ думалъ: „Вотъ, значитъ, теперь потянуть ко всенощной, а завтра сломаешь ноги на обѣднѣ“.

И въ самомъ дѣлѣ, въ „церковномъ“ вопросѣ, кажется, съ особенной яркостью вставали красоты „системы“. Ученикамъ—и вольноприходящимъ, и пансіонерамъ—одинаково строго внушалось: „ходи въ церковь, усердно молись, иначе—3 изъ поведенія“.

Пансіонерамъ, впрочемъ, альтернатива ставилась еще красочнѣе: „Молись,—или безъ обѣда. Молись,—или безъ матраца“.

Нетрудно понять, какое „благочестіе“ внушалось этими мѣрами.

Я не преувеличу, если скажу, что весь составъ учащихся (за исключеніемъ развѣ слабоумныхъ) относился къ религіознымъ вопросамъ (точнѣе—къ церкви) враждебно. Иныхъ одно воспоминаніе о томъ, что, вмѣсто долгожданнаго отдыха среди домашнихъ, необходимо идти „отстаивать“ ноги въ церковь, повергало въ ярость. А не идти было нельзя. Къ „церковному дѣлу“ были приставлены альгвазилы въ лицѣ помощниковъ классныхъ наставниковъ. Ты пришелъ въ церковь—прежде всего иди къ альгвазилу. Сидитъ онъ за рѣшеткой въ вицмундирѣ и въ книжкѣ, похожей на ненавистный классный балльникъ, отмѣчаетъ противъ твоей фамиліи: „б“, т.-е. былъ въ церкви, былъ религіозенъ, былъ благонамѣреннымъ ученикомъ.

Бывало, стоишь въ кучѣ другихъ воспитанниковъ передъ согнутой фигурой ставящаго свои ненавистныя „б“ альгвазила,—такъ и подмываетъ противъ въ сущности ничѣмъ неповиннаго наставника: „Толкни его въ шею, нахлобучь на глаза шапку“. А уйдетъ куда-нибудь помощникъ на-

ставника и оставитъ церковный журналъ въ незапертомъ столѣ,—дорвешься до этого журнала и ставишь всѣмъ съ яростью: б, б, б!.. Всѣмъ, даже заядлымъ врагамъ! Только бы насолить и провести церберовъ системы... Послѣ этого идешь по полутемному коридору и всѣмъ объявляешь:—Бѣгите домой: я васъ отмѣтилъ.

Мы, дѣйствительно, часто бѣгали со службы домой. Отмѣтишься,—и сейчасъ шапку на голову. Темно,—на улицахъ не замѣтятъ, а въ церкви все равно будетъ много.

Когда же, бывало, не удавалось бѣжать,—тутъ-то брала злоба! Выстраиваешься въ шеренги, а самъ такъ и трясешься отъ бѣшенства. Вотъ подходитъ инспекторъ.

— Почему вчера не былъ у всенощной? Все гуляете? Въ воскресенье безъ отпуска.

Такъ, бывало, и хочется вцѣпиться ему въ тощую сморщенную шею.

— Я, Иванъ Ивановичъ...—въ голосѣ дрожатъ слезы.

— Я, Иванъ Ивановичъ...—дразнить инспекторъ.—Дармоѣды, распустились. Щедрина читаете... Я вотъ живо дурь эту съ васъ спущу... Безъ отпуска.

Вотъ мы идемъ въ церковь. Становимся на моленье, какъ на гимнастику. Въ ровныя линіи. Избави Богъ, если кто явится въ церковь въ блузѣ или въ смѣшанной формѣ! *) Если насъ подвергали гоненію за чуть переросшіе нормальную длину волосы, за появившіеся усы, за выпущенную въ петлицу палочку часовой цѣпочки, то ужъ подавно взыскивали за нарушеніе формы, т.-е. одного изъ „житовъ“ системы.

*) Т.-е. въ бѣлыхъ лѣтнихъ брюкахъ и въ сюртукѣ. Попечитель приказалъ даже въ лѣтнее время являться въ церковь въ зимнихъ сѣрыхъ брюкахъ, и воспитанникамъ приходилось лѣтомъ по праздникамъ переодѣваться въ зимнюю форму.

Вотъ мы въ церкви. Краснолицый гимназистъ, сынъ миллионера-подрядчика, ходитъ отъ паникадила къ паникадилу съ пукомъ свѣчей и истово, по старо-купечески, крестится передъ каждымъ паникадиломъ, прежде чѣмъ вставить въ него свѣчу.

— Психопатъ!— доносится изъ рядовъ старшихъ. Съ благоволеніемъ посматриваетъ на купеческаго сына директоръ. Если „свѣчникъ“ и не уразумѣлъ въ наукахъ, зато онъ благочестивъ. И многое за это ему простится.

Вотъ, наконецъ, дьяконъ. Враждебно осматриваемъ мы дьякона. Онъ читаетъ молитвы; одни изъ гимназистовъ, кому удалось скрыться за аркой у стѣны, читаютъ принесенные романы; другіе злыми голосами подтягиваютъ въ тонъ дьякону кощунственныя пародіи; третьи крестятся, прикладывая ко лбу то, что въ просторѣчьи называется „кукишемъ“... Право, самый отъявленный врагъ религіи, самый убѣжденный атеистъ не могъ создать болѣе благоприятной сферы для вѣроненавистничества, какую создавали у насъ.

Служба идетъ. Вотъ тѣло надутаго директора всколыхнулось. Служитель сообщилъ о пріѣздѣ попечителя. Директоръ поспѣшно выходитъ и черезъ нѣсколько минутъ является съ „высокимъ гостемъ“. Гость однако не становится съ нимъ рядомъ, у печки. Точно указывая всѣмъ на высоту своего положенія, онъ идетъ впередъ, къ самому клиросу, и становится тамъ въ блистательномъ одиночествѣ, слегка закинувъ голову и разставивъ въ стороны ноги. Совершенно лысая голова блеститъ точно паникадило, блеститъ вышитый ззади мундиръ, и весь попечитель удивительно походитъ на тотъ иконостасъ, передъ которымъ онъ молится.

Чу,—вотъ поютъ „Иже херувимы“. За нашими спинами слышно старческое чмоканье. Мы слегка оборачиваемся,

хотя хорошо знаемъ: то инспекторъ отъ скуки сосетъ бульдегомъ. Мы знаемъ и дальнѣйшее: какъ запоютъ „Вѣрую“, онъ будетъ заводить часы.

И дѣйствительно: вотъ поютъ „Вѣрую“. За нашими спинами слышно: тр... тр... — Мы весело-осторожно оборачиваемся. Все-таки развлеченіе. Такъ и есть: въ сморщенныхъ рукахъ инспектора часы и ключикъ.

— Тр... тр...— Инспекторъ кончилъ и крестится.

Съ тоскою смотримъ мы на свои часы. Господи! еще только „Вѣрую“. Когда-то еще будетъ „Отче нашъ“...

Посматриваемъ мы и на маленькихъ. Они еле стоятъ отъ изнеможенія. Когда бываетъ надо стать на колѣна, они пользуются этимъ, чтобы присѣсть на каблучки. Бѣдная мелкота! Надо было дѣлать это осторожно. Иначе подойдетъ тотъ же инспекторъ или одинъ изъ „церковныхъ“ воспитанниковъ,—и будетъ соответственное внушеніе.

Безконечно тянется служба. Вотъ одинъ изъ малышей обращается къ наблюдателю:

— Позвольте выйти.

Тотъ киваетъ головой, и малышъ, крадучись, покидаетъ церковную залу. Вотъ еще коропузъ. Еще. Наконецъ, наблюдатель дѣлаетъ головою отрицательный знакъ. Огорченный малышъ становится на прежнее мѣсто.

На минутку заглянемъ, куда побѣжали малыши.

Разумѣется, они въ „раздѣвальной“. Одни пьютъ изъ прикованной цѣпью кружки воду, другіе съ наслажденіемъ сидятъ на клѣткахъ для калошъ и расправляютъ „сломанныя спины“. Иные дерутся желѣзными бляшками поясовъ, иные стараются проскользнуть домой чернымъ ходомъ.

— Куликъ!—вдругъ раздается испуганный голосъ. Слышно, какъ большими шагами идетъ къ раздѣвальной инспекторъ. Его пропитанное „системой“ сердце почувствовало необхо.

димость произвести сыскъ. Въ раздѣвальной навѣрное набрались дармоѣды вмѣсто того, чтобы молиться Богу.

Нѣкоторые малыши поспѣшно выходятъ изъ раздѣвальной и осторожно, на цыпочкахъ, проходятъ мимо инспектора по направленію къ церкви. Другіе же рѣшаются на экстраординарную мѣру, о которой, можетъ быть, много не говорятъ: убѣгаютъ въ уборную и занимаютъ тамъ мѣста. Надо ли говорить, что начальство идетъ сыскивать и въ уборную?.. Вотъ слышится тамъ разгнѣванный голосъ, и нѣсколько изъ „неприспособившихся“ торопливо бѣгутъ „молиться Богу“.

Служба все тянется. Регентъ въ щель клироса увидѣлъ явившагося попечителя и приказываетъ пѣвчимъ тянуть нотное. Пѣвчіе тянутъ съ унылой покорностью.

— И-и-и-и... и-и-и-же...

Потомъ продолжаютъ:

— Херу...хе...ру...хе...ру...ви...и...и...мы.

Размашисто крестится попечитель. Онъ доволенъ. Пѣвчіе пропѣли первую строфу, потомъ опять начинаютъ сначала:

— Ии...и...иже... хе...ру...ви...и...и...мы.

И такъ далѣе, намъ кажется, безъ конца.

Вотъ скоро прекрасная молитва „Отче нашъ“. Во что она у насъ обращалась! Попечитель приказалъ, чтобы всѣ обязательно становились на колѣна и чтобы всѣ молящіеся пѣли въ одинъ голосъ „Отче нашъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что его головѣ рисовалось что-то въ высокой степени трогательное: дьяконъ возгласитъ, и всѣ присутствующіе повалятся на колѣни какъ одинъ человѣкъ и будутъ въ одинъ голосъ пѣть трогательную, наивную молитву... Что можетъ быть прекраснѣе этого?.. Но какъ ни обезличивали насъ, какъ ни стремились выбить душу живую, все же мы не могли молиться по рецепту.

Что же выходило у насъ изъ этого предписанія? Я боюсь что не сумѣю описать того, что было въ дѣйствительности.

Конечно, становились на колѣна всѣ: и ученики, и учителя, и служители, и жены учителей, и, можетъ быть, ихъ тещи и свояченицы: можно ли послушаться попечителя учебного округа?.. Но что происходило затѣмъ!.. Мнѣ кажется, ревѣли такъ, какъ только могутъ ревѣть быки, увидавшіе сѣно. Тщетно зеленый отъ волненія регентъ, высунувшись изъ рамы клироса, махалъ трясущейся рукой: всѣ пѣли кто въ лѣсъ, кто по дрова. Пѣвчіе начинали новую фразу, а въ концѣ церкви кто-нибудь изъ не въ мѣру усердныхъ дотягивалъ еще старую. Нельзя же было устроить общую спѣвку учениковъ съ прихожанами! Приходилось довольствоваться тѣмъ, что есть.

Такъ мы молились по приказу начальства.

VII.

Еще о жизни въ пансіонѣ.—Во дворѣ.—Баня.—Танцы.—Спѣвки.—Спектакли.—„Изводки“.

Въ этой главѣ мнѣ хочется сообщить о нѣкоторыхъ „деталяхъ“ пансіонской жизни. Въ продолженіе восьми-десяти лѣтъ наше житье-бытье протекало по преимуществу въ четырехъ мѣстахъ: въ пансіонѣ, въ гимназіи, въ пансіонскомъ дворѣ и на улицѣ. Последняго было, конечно, всего меньше. Бывало, сидишь послѣ обѣда за книгами, вдругъ звонокъ.

— Во дворѣ!—кричитъ звенящій дядька, обходя занимабельныя.—Господа, воспитатель приказалъ во дворѣ.

Мы поднимаемся. Обыкновенно подрастающіе двора не любятъ. Они любятъ гулять по улицамъ. Что интереснаго говорить они, въ арестантскомъ дворѣ.

Все-таки я скажу о немъ нѣсколько словъ.

Дворъ былъ довольно большой, обнесенный каменными

стѣнами и дѣйствительно похожій на дворъ тюрьмы. Стоявшимъ посреди его древнѣйшимъ, ежеминутно грозившимъ обрушиться, бревенчатымъ „цейхаузомъ“ дворъ раздѣлялся на двѣ неравныя половины. Одна представляла изъ себя собственно садъ, — тамъ были акаціи, нѣсколько липъ и цвѣтникъ эконома, — другая половина, ограниченная съ противоположной отъ пансіона стороны конюшнями, баней и сараями, именно и называлась дворомъ. Это было пустое немощеное мѣсто предназначенное для игры въ „лапту“, въ лошадки, въ „чижика“ и т. п.

Собственно дворъ былъ предоставленъ мелкотѣ. Младшіе играли тамъ въ мячъ, дрались и кричали; старшіе же уныло прогуливались подъ липками или балакали съ фельдшеромъ (больница была тутъ же). Бывало, во дворѣ, за цейхаузомъ, гомонъ, крики, суетня... подъ липками же чтеніе и тишина необыкновенная. Развѣ только забѣгутъ двое малышей втихомолку поиграть въ бабки или въ „свайку“, и опять тихо.

Нѣкоторое „оживленіе“ въ пансіонскомъ однообразіи вносила баня. Въ баню воспитанники ходили два раза въ мѣсяцъ; каптенармусъ каждому клалъ въ его клѣтку смѣну бѣлья, любопытную одной особенностью: вмѣсто носокъ ученикамъ давались „портянки“, т.-е. грубыя тряпки-онучи. Непривыкшіе къ этимъ портянкамъ малыши подчасъ бились подолгу, прежде чѣмъ отправить обмотанную тряпкою ногу въ казенный сапогъ.

Полагалось каждому пансіонеру въ микроскопической дозѣ и мыло. Мыло это бралось у каптенармуса съ бою: инымъ удавалось въ суматохѣ захватить и двойную порцію. Торопливо и съ гикомъ неслись воспитанники въ баню, чтобы захватить себѣ мѣсто. Если не переждать сутолоку и войти въ это время въ предбанникъ, можно было наблюдать оригинальное зрѣлище. Полутемная комната аршинъ въ семь

длиною оказывалась набитою пятнадцатью-двадцатью гимназистами. Одни стояли на полу и тутъ же раздѣвались; другіе тѣснились, раздѣваясь, по лавкамъ. Буквально некуда бывало просунуть руку. Пальто каждаго гимназиста служило ему въ то же время своеобразнымъ чемоданомъ; въ немъ укладывались: шапка, калоши, башлыкъ, верхнее платье, поясъ, сапоги и вся смѣна чистаго бѣлья. Все это кое-какъ свертывалось въ трубку, завязывалось рукавами пальто и ожидало прибытія омовеннаго хозяина. Гдѣ раздѣвались, тутъ же, конечно, и одѣвались вымывшіеся; случалось, что въ это время являлась новая партія жаждущихъ бани; морозная струя воздуха охватывала зимой выбравшихся съ раскаленнаго полка... Какъ только мы жили! Какъ не умирали,—достойно примѣчанія.

Въ самой банѣ стоялъ адъ еще горше предбаннаго. Десятки людей сидѣли на полу, иные кричали отъ духоты на полкѣ, немногіе счастливыцы попали на скамьи... Одни, конечно, дрались, другіе плакали изъ-за потеряннаго куска мыла, третьи хлестали другъ друга вѣниками... Такія бани забываются нескоро.

Перебирая въ умѣ другія детали пансіонскаго житья, я не могу обойти молчаніемъ танцы. Но танцы являлись непріятностью лишь для меньшинства, для „бирюковъ“, прятавшихся отъ танцмейстера подъ кровати спаленъ. Къ числу такихъ бирюковъ принадлежалъ и я. Мнѣ еще съ малолѣтства было непонятно, зачѣмъ это люди кружатся, обнявши другъ друга, и при этомъ еще притаптываютъ ногами. Особенно непріятно было глядѣть на танцующихъ во время перерыва музыки: казалось, пара здоровыхъ людей внезапно сошла съ ума,—до того неестественны и нелѣпы были ихъ движенія.

Танцы у насъ протекали такимъ образомъ: разъ въ недѣлю въ пансіонъ заявлялись два старичка, чрезвычайно

другъ на друга похожіе. Оба были сѣденькіе, оба плѣшивые, оба одѣты во фраки, оба съ длинными носами и оба пропахшіе нюхательнымъ табакомъ. Но была и разница: одинъ былъ громаднѣйшаго, почти саженнаго роста, другой былъ малъ какъ аршинъ. Маленькій былъ танцмейстеръ, громаднѣйшій былъ его скрипачомъ.

Когда оба они появлялись въ занимательной, пансіонеры шептались:

— Пришла сахарная голова съ привѣскомъ.

Громадный садился въ уголокѣ на стулѣ и въ продолженіе часа или двухъ тоскливо пиликалъ что-то на скрипкѣ; а маленький выстраивалъ насъ въ шеренги, чудовищно вывертывалъ намъ ступни ногъ и заставлялъ присѣдать или двигаться съ вывернутыми ногами, выкрикивая подъ щемящее душу пиликанье скрипки:

— Первый шассе! второй шассе! Третій шассе—и шагъ назадъ! Первый шассе! второй шассе! Третій шассе—и!— шагъ назадъ.

Сначала мы, конечно, ходили какъ медвѣди; потомъ я убѣждалъ и еженедѣльно прятался; весьма же многіе изучили „шассе“ и затѣмъ подъ то же нытье скрипки выдѣлывали цѣпь самыхъ странныхъ движеній, называемыхъ танцами. Иногда въ танцы вмѣшивался одинъ воспитатель, бородатый красавецъ и жентиль-омъ, кудрявый, пропахшій персидской сиренью и униженный перстнями. Воспитанники оживлялись тогда необыкновенно.

— Авансе! Рекюле!—выкрикивалъ воспитатель, носясь между гимназистами словно угорь.—Авансе, кариссима, квидъ тиби вись *).

Послѣднія слова латинской фразы составляли его люби-

*) Дражайшій, что тебѣ надо.

мую поговорку. Галстукъ тогда съѣзжалъ у него на затылокъ, фалды вицъ-мундира оттопыривались, какъ у селезня.. Признаюсь, я выходилъ въ такое время изъ своего убѣжища и принималъ къ дверямъ, любуясь на воспитателя-танцора.

Была въ нашей жизни еще „непрятность“: спѣвки.

Регентомъ хора былъ у насъ какой-то молодой бѣлокурый человѣкъ, по фамиліи Ручкинъ, служившій нѣкогда учителемъ чистописанія. Лицо у него было бѣленькое, глаза косенькіе, и припадалъ онъ на одну ногу... а спѣвки, какъ и многіе регенты, любилъ до безумія.

Когда насъ въ первый разъ согнали въ пріемную комнату на пробу голосовъ и появился Ручкинъ, улыбавшійся, тихій, со скрипкой подъ мышкой, — насъ взяла оторопь. Болѣе смѣтливые поняли, что попасть въ пѣвчіе,—значитъ ходить на всѣ церковныя службы. Стало быть, маленькій, умильно улыбавшійся человѣкъ не былъ такъ простъ, какъ это казалось съ перваго взгляда... рѣшивъ это, каждый велъ себя уже съ осторожностью.

Такъ, когда регентъ настроилъ свою скрипку и ласково попросилъ:

— Ну-ка, миленькій, протяни ноту.

Каждый старался издать ее такимъ звѣринымъ голосомъ, что регентъ откатывался и, махая руками, говорилъ съ огорченіемъ:

— Не годится, нѣтъ!.. Не благоутробіе!

Только немногіе попались тогда на удочку и были немедленно произведены въ пѣвчіе.

Но если звѣриный голосъ освобождалъ отъ пѣнія въ церкви, то это еще не значило, чтобы онъ освобождалъ отъ пѣнія вообще. Напротивъ, наше начальство призывало къ

пѣнію „безгласныхъ и бездыханныхъ“: не проходило недѣли, какъ въ нашъ пансіонъ являлся со скрипкой регентъ Ручкинъ, и всякій изъ обитателей обязывался пѣть по силѣ возможности.

— Господа, пожалуйста на спѣвку,—приглашалъ регентъ, обходя занимательныя комнаты.—На спѣвку, на спѣвку.

Кто могъ прятался въ самыхъ укромныхъ мѣстахъ верхняго этажа; остальные же были забираемы регентомъ и отводимы въ садъ или въ одну изъ занимательныхъ для хорового пѣнія. Впереди ставились обыкновенно официальные пѣвчіе; за ними размѣщались просто пансіонеры. Регентъ задавалъ тонъ, и начиналось хоровое пѣніе.

Пѣли мы разное, но преимущественно, конечно, пѣсни патріотическаго содержанія. Такъ, особенной популярностью среди начальства пользовались: русскій народный гимнъ, „Отъ Урала до Дуная“ и еще одна пѣсня, начинавшаяся такъ:

Свѣтлой радостью горя,
День торжественный встрѣчайте,
Пѣсней душу величайте
Православнаго царя.

Въ фаворѣ была и слѣдующая пѣснь, правда, не совсѣмъ складная, но достаточно благозвучная:

Знаютъ турки насъ и шведы
И про насъ извѣстенъ свѣтъ.
На сраженъе, на побѣды
Насъ всегда герой ведетъ.

Намъ всегда внушалось пѣть именно „ведетъ“, а не „ведётъ“, чтобы не нарушалось благозвучіе пѣсни; если въ рифмахъ и были недочеты, зато давала пѣсня доброе настроеніе.

Мнѣ жаль, что я перезабылъ теперь, какъ ставились у насъ спектакли. Я помню только, что игрались у насъ какъ то пьесы на греческомъ языкѣ и ставились съ хорами и танцами, при чемъ подвыпившіе артисты—восьмиклассники твердили, какъ говорятъ, все время съ разными интонаціями, однѣ и тѣже греческія фразы и ожесточенно стучали жезлами, изображая аеинскихъ царей, а какой-то преподаватель физики, напрягая свое искусство, пускалъ изъ коридора, ведущаго въ уборную, на артистовъ „заходящее электрическое солнце“; помню еще, какъ пьяный товарищъ Н., выпустивъ угрожающую греческую фразу, вдругъ, по условіямъ сцены, растянулся подлѣ будки суфлера, но больше ужъ и не вставалъ до самаго занавѣса; вспоминаю, какъ ставили мы „Бѣдность не порокъ“, и Любимъ Торцовъ рычалъ, изображая плачущаго, въ воспитательскомъ халатѣ; припоминается также, какъ, по указу начальства, играли мы пьесу императрицы Екатерины II „О время!“—отъ которой осталась у меня въ умѣ одна фраза: „колико для меня чувствительно“... Въ заключеніе мы ставили тогда живыя картины на тему державинской „Фелицы“, и для Фелицы, помню, отыскивали самаго тучнаго изъ всѣхъ пансіонеровъ... Фелица показывалась мурзѣ, какъ водится, въ сіяніи и курились, по положенію, „маки благовонны“ и появлялась Фелица въ красной лентѣ, которая ссужалась на это время супругой директора... Больше не помню я ничего.

Разъ дѣло пошло на увеселенія, я долженъ сказать и объ „изводкахъ“ воспитателей.

Подъ названіемъ „изводки“ разумѣлись у насъ тѣ „сюрпризы“, которые готовились учениками особо нелюбимымъ

воспитателямъ въ отмщеніе. „Изводки“ эти я нарисую въ небольшой сценкѣ.

Старшая занимательная. Одиннадцатый часъ вечера. Всѣ старшіе гимназисты улеглись въ постели и разговариваютъ. Не занята только постель воспитателя Свишова. Долговязый семиклассникъ Тихонъ Копыловъ сидитъ на кровати воспитателя въ одномъ бѣльѣ и готовитъ ему невѣдомыя муки, наливши въ туфли воды и зашивая рукава древнѣйшаго халата.

— Теперь будетъ ему, толстоносому,—говоритъ Тихонъ Копыловъ, основательно зашивши отверстія рукавовъ.—Не станетъ, небойсь, ставить колы.

Прочіе воспитанники съ наслажденіемъ ожидаютъ „симфоніи“.

— Будетъ, довольно,—говорятъ нѣкоторые злодѣю. Но Копыловъ не унимается: забравши въ руки плевательный тазикъ съ пескомъ, онъ кладетъ его подъ подушки въ изголовьи воспитателя и начинаетъ свертывать въ клубъ длинный половикъ спальни комнаты... Получается огромный клубокъ; тогда у насъ еще не было въ ходу понятіе „баррикады“; тѣмъ не менѣе, Копыловъ успѣшно строитъ ихъ своимъ закатаннымъ половикомъ; притворивъ двери въ спальную, онъ съ громадными усиліями подкатываетъ къ двери клубъ и едва успѣваетъ юркнуть подъ одѣяло, какъ доносится звонъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ. Мы знаемъ, что это идетъ съ двумя зажженными свѣчами въ рукахъ воспитатель, имѣющій къ тому же подъ мышками пуки тетрадей съ extemporalia.

Рѣшительный моментъ близится. Всѣ задыхаются отъ наслажденія. Всѣ закрылись одѣялами съ головами, оставивъ только небольшія щелочки для глазъ.

Вотъ звонъ приблизился. Воспитатель толкнулъ дверь. Жалобно звякнули другъ о друга подсвѣчники.

— Лаврентій! Капралъ! Василій!—кричитъ воспитатель, дѣлая усилія проникнуть въ спальную.

Вотъ легкій шумъ. Клубъ откатывается, и въ раскрывшіяся двери съ крикомъ летитъ воспитатель. Со звономъ падаютъ на полъ мѣдные подсвѣчники. Туча ученическихъ тетрадокъ взвивается на воздухъ, и точно снѣгомъ покрывается полъ вокругъ павшаго воспитателя. Зацѣпившись за клубокъ, онъ опрокидывается вверхъ ногами и кричитъ во весь голосъ:

— Лаврентій! Сторожа! Дядьки!

Сбѣгаются сторожа, распутываютъ клубъ, собираютъ тетради, подсвѣчники и помогаютъ воспитателю подняться на ноги.

— Идите, идите!—говоритъ задыхающійся отъ испуга и ярости воспитатель и, тяжело дыша, начинаетъ пріоткрывать одѣяла надъ лицомъ каждаго „спящаго“ по очереди, желая по выраженію лица узнать злоумышленника. Воспитатель ходитъ и трясущейся рукой откидываетъ покрывала. Тщетно горящіе огнемъ глаза жгутъ лица заговорщиковъ. Черты лицъ неподвижны, и прочесть о содѣянномъ нельзя.

„Система“ безсильна.

VIII.

О военной гимнастикѣ.—Прогулка перваго мая.—Выступленіе, прибытіе, явленіе попечителя, качанье учителей.

Характерной особенностью тѣхъ годовъ, въ которые я „воспитывался“ въ гимназій, былъ памятный всѣмъ піэтетъ милитаризма. Отголоскомъ его въ нашей „гражданской классической“ гимназій явилось необыкновенное пристрастіе къ гимнастикѣ. И не къ обычной гимнастикѣ, — а къ специально военной, къ фронтовому учению.

Мало того, что учению этому зачастую посвящались цѣлые „классы“, — заботливое начальство назначало маршировки даже въ самыя неурочныя минуты: во время, на примѣръ „большой перемѣны“.

Обыкновенно „перемѣны“, т.-е. интервалы между уроками, были недолгосрочны: по пяти минутъ; зато большая перемѣна, во время которой ученикамъ предлагалось завтракать,

продолжалась полчаса. Наскоро перекусивъ, многіе изъ воспитанниковъ спѣшили прорепетировать предстоящіе уроки; не тутъ-то было: трещалъ барабанъ, появлялся офицеръ, учитель гимнастики, и помощники классныхъ наставниковъ начинали расхаживать по классамъ съ криками:

— Строиться на гимнастику.

И не только малыши, но и самые великовозрастные, даже „выпускные“ обязывались выстраиваться въ шеренги и выдѣлывать всевозможныя „па“ и артикулы.

Гремѣлъ барабанъ, и размѣренными шагами, отъ которыхъ содрогались полъ и гимназическія стѣны, проходили всѣ воспитанники, отъ мала до велика, передъ восхищенными глазами учебнаго начальства.

Можетъ быть, преподаватели древнихъ языковъ видѣли себя въ это время разными Мильтіадами и вспоминали Мараѳоны и Кавдинскія ущелья; можетъ быть, директору грезилась подъ бородой блестящіе ордена... Только „гимнастика“ шла, и все громче и громче отстукивали ноги воинствующихъ гражданъ.

Надо сказать, что всѣ болѣе или менѣе подростшіе гимназисты относились къ этого рода гимнастикѣ съ особенной ненавистью. Когда я былъ еще маленькимъ, мнѣ доводилось замѣчать довольно острые конфликты выпускныхъ съ инспекціей по поводу этой гимнастики; инспекторъ приказывалъ строиться,—восьмиклассники не шли; но вскорѣ „вѣянія времени“ стали суровѣе, „система“ крѣпла и, сообразно этому, мельчалъ протестующій народъ. Въ мое время гимнастика была въ полномъ расцвѣтѣ, и протесты выражались только за спиною инспектора...

Только разъ въ году военную гимнастику встрѣчали всѣ съ нескрываемымъ сочувствіемъ. Это бывало въ день пер-

ваго мая, когда вся гимназія, учащая и учащаяся, отправлялась на весеннюю прогулку.

Майская прогулка обыкновенно назначалась наканунѣ, и къ ней дѣятельно готовились какъ гимназія, такъ и пансіонъ. Гимназія усиленно репетировала разныя „равненія“ и „марши“, пансіонъ заготовлялъ провизію, кастрюли, самовары, салфетки и скатерти. (Послѣднее, конечно, для учителей.)

Съ ранняго утра обнаруживалось въ пансіонѣ самое праздничное настроеніе. Особенно веселились малыши: идти подъ музыку, получать яблоки и главное цѣлый день не учиться, т.-е. не отвѣчать латинскихъ вокабулъ и не получать единицъ,—все это было безумно-заманчиво.

Къ девяти часамъ на площади передъ гимназіей выстраивалась огромная толпа гимназистовъ. Полчище дѣлилось на взводы и шеренги (боюсь, что я перезабылъ военныя названія); у каждаго взвода, у каждой шеренги стояло по начальнику изъ старшихъ учениковъ. Въ отличіе отъ подчиненныхъ они одѣвали на гимназическія блузы офицерскіе пояса.

Предводительство принадлежало, конечно, директору, но на практикѣ бывало въ рукахъ учителя гимнастики.

Выступали гимназисты въ такомъ порядкѣ:

Шествіе открывалось директоромъ и учителемъ гимнастики. За ними шелъ капельмейстеръ, затѣмъ слѣдовалъ оркестръ духовой музыки, послѣ этого тянулись шеренги маленькихъ гимназистовъ, за ними шелъ „средній возрастъ“. Процессія заключалась старшими.

Гремитъ музыка; окруженные уличными мальчишками, идутъ по-военному гражданскіе гимназисты. Облака пыли вылетаютъ изъ-подъ усердныхъ сапогъ. По бокамъ идутъ взводные начальники, инспекторъ и учителя. Вотъ полчище проходитъ по главной улицѣ; изъ дверей магазиновъ вы-

глядываютъ лавочки, бакалейщики; бранятся извозчики и сѣдоки, которымъ процессія преградила путь. Вотъ мы идемъ по немощеннымъ переулкамъ; пыльные облака превращаются въ тучи; на лицѣ инспектора во всѣхъ морщинахъ образовались сѣрыя наслоенія; мы все идемъ и идемъ. Вотъ мы за городомъ. Сигналь. Остановка. Съ удовольствіемъ разсаживаемся мы на молодой весенней травѣ. Кое-кто вынимаетъ яблоки. „Стройся!“ Опять идемъ.

Идемъ мы и часъ, и два; наконецъ всѣми овладѣваетъ апатія. Кажется, все равно, если прикажутъ идти и недѣлю и мѣсяцъ. Что жъ, такъ и будемъ переставлять ноги, уводящія въ пыли... Палящая духота.

Но вотъ въ лицо повѣяло сыростью. Близко рѣка. Вонь лѣсокъ, пансіонскій обозъ. Чу, трубятъ. Остановка. Кончено. Всѣ укладываются чуть не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ остановились.

Однако надо вставать: вдали слышны крики. Пансіонскіе служителя раздають гимназистамъ изъ громадныхъ корзины по половинѣ французской булки. Въ одинъ мигъ около корзины—несмѣтная толпа, крики, шумъ, давка. Трещать подъ напоромъ гимназистовъ корзины; вотъ служителя опрокинуты. Идетъ расхищеніе казеннаго добра. Болѣе сильные захватываютъ по двѣ и по три порціи, запихивая булки за пазухи. Увѣщанія класснаго наставника недѣйствительны: тщетно записываетъ онъ ослушниковъ въ памятную книжку. Въ сторонѣ на деревянныхъ столахъ разставлены пансіонскія кружки. Одинъ изъ служителей засыпаетъ въ каждую порцію песочнаго сахара, другой цѣдитъ изъ громаднаго чайника чай, третій доликаетъ кипяткомъ. Кружки расхватываются съ бою. И здѣсь смятенье, и здѣсь шумъ. Гдѣ же учителя? Наставниковъ нѣтъ.

Если тайкомъ прибѣжать къ черному крыльцу близъ стоящей порожней дачи, можно увидѣть не мало любопытнаго.

Накрывается бѣлоснѣжной скатертью столъ; десятокъ служителей устанавливаетъ яства и питія. Невольно вспоминается державинское:

Тамъ пышный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской...

Прогулка видимо обезпечиваетъ и учительскій персоналъ. Во время обѣда (гимназистамъ въ это время скромно предлагается по котлетѣ или по куску жаренаго мяса) въ порожней дачѣ дѣлается шумно. Стулья уснащаются преподавателями и ихъ женами; идутъ ароматы отъ гастрономіи и винъ. Разговоръ, какъ водится, дѣлается непринужденнымъ. Лица розовѣютъ, лица улыбаются... Синусы, косинусы и уть консекутивумъ! вы позабыты.

Среди воспитанниковъ однако появляется нѣкоторое разочарованіе. Но можно ли быть сытымъ отъ щедротъ казны? Вотъ почему всѣ, кто только могъ, запаслись „финансами“. Къ ихъ услугамъ разные торговцы: покупается сыръ, колбаса, хлѣбъ, лакомства; здѣсь же, въ сторонкѣ, предлагаются лимонады и квась... Отойти немного подальше, къ лѣску,— пиво; нѣсколько шаговъ къ рѣчкѣ,—водка. Разумѣется, тайные маркитанты всегда на чеку. Есть и сторожа. Если же и тутъ промахъ,—„п ъ е т с я ч а й“. „Вотъ-съ чайничекъ, вотъ-съ самоваръ,—пожалуйте-съ“.

Впрочемъ, здѣсь не до ревизіи: преподаватели празднуютъ сами. Притомъ и элементъ все надежный: средніе да старшіе воспитанники.

Среди празднованія вдругъ разносится громовый окрикъ: — Ъдетъ попечитель!

Трещитъ барабанъ, режутъ трубы. Быстро сбѣгаются съ разныхъ сторонъ гимназисты. Строятся шеренги. Собираются и заалѣвшіе преподаватели. Учитель гимнастики волнуется и

ищетъ потерянную саблю. По пыльной дорогѣ несется коляска. Какъ флагъ вѣетъ сѣрая борода.

Вотъ строй готовъ. Еле стоятъ подлѣ шеренгъ наспиртованшіеся взводные. У иныхъ намочены головы, иные, „посвѣжѣ“, сдѣлали себѣ, съ позволенія сказать, „фридрихъ-хераусъ“. И все „чисто“, какъ оно и требуется.

Вотъ изъ подкатившей коляски высаживается супруга попечителя. Вотъ и онъ самъ. Онъ идетъ по флангу.

— Здравствуйте, гесь-пода!

— Здравія-жела-ваш-пр-ство! — совсѣмъ по-военному выкрикиваютъ гимназисты.

Послѣ этого насъ, какъ ученыхъ медвѣдей, заставляютъ „дефилировать“ передъ лицомъ высшаго начальства. Гремитъ музыка. Разъ-два! Молодцами проходятъ гражданскіе гимназисты.

— Молодцы, гесь-пода!

И какъ бы въ награду за „отмѣнное состояніе“ появляются корзины съ маленькими, плюгавыми, кислыми казенными яблоками.

— Урра!..—разносится по полю. Уже на глазахъ вышняго начальства происходитъ разгромленіе корзины. Около яблокъ—живая человѣческая каша. Сѣрая масса кишитъ подлѣ опрокинутыхъ корзины; слышны крики, пискъ, вопли. Служителя отошли: дай Богъ унести ноги. Шумно... но—этотъ маленькій либерализмъ!.. Если хотите, онъ даже хорошъ, этотъ маленькій либерализмъ!..

— Я довв-ѣленъ... довв-ѣленъ... — Тускло блестятъ холодные нѣмецкіе глаза.

Съ растопыренными руками, точно оберегая драгоценный хрустальный сосудъ, идетъ позади и вокругъ „свита“. Двери пустопорожней дачи закрываются.

Старшіе идутъ опять—кто въ лѣсокъ, кто на рѣчку. Но

вотъ сигнальный рожокъ. Что-такое? Правда, не всѣ гимназисты, но многіе идутъ на зовъ.

Попечитель—въ пестрой цѣпи дамъ.

Спотыкаясь, бѣжитъ на цыпочкахъ какой-то дряхлый преподаватель. Безъ шапки. Тошная вспотѣвшая шея. Жалко сѣмнять ноги.

— Его пр-ство изволилъ...

Дальше ничего нельзя разобрать.

— Музыка! Музыка!—кричитъ кто-то.

Вокругъ музыкантовъ собирается толпа.

— Рьюсскій нарѣднѣй гимнъ!

Всѣ снимаютъ фуражки.

— Гесь-по-да... хорь-омъ!

Всѣ затягиваютъ хоромъ.

— А теперь... танцы...

Мигомъ очищаютъ классные наставники площадку для танцевъ.

— Рьюсскую... Ка-заччьекъ!

Воспитанники мнутъ. Преподаватели „внушаютъ“. Вотъ выходитъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Одобренный мальчикъ!

Гремитъ музыка. Мальчикъ танцуетъ „казачка“.

— Я довв-ѣленъ... довв-ѣленъ...—Качается сѣрая борода.

Подается коляска.

— Здра-жела-ваш-пр-ство!

Коляска уносится прочь.

Вечерѣтъ. Стихаетъ палящая жара. Старшіе гимназисты бродятъ особыми кучами и о чемъ-то шепчутся. Вотъ проходитъ инспекторъ. Съ крикомъ и ревомъ набрасывается толпа на старика. Лицо инспектора дергается отъ гнѣва и страха.

— Качать, качать!—режутъ голоса.

Мгновенно вся площадка покрывается гимназистами.

— Назадъ! Стойте, я... или...

Инспекторъ не договариваетъ. Лысая тщедушная фигурка взлетаетъ на воздухъ. Вотъ на заходящемъ солнцѣ сверкнула лысина. Сморщенное охающее лицо мелькнуло и исчезло. Вотъ взметнулись ноги. Взвились фалды. Кончили. Инспекторъ бранится. Но подлѣ никого нѣтъ.

Поправляя разорванное платье, прихрамывая и почесываясь, спѣшитъ инспекторъ къ порожней дачѣ. Если онъ былъ нелюбимъ, — въ процедурѣ „качанья“ были ощутимы и неприятности. Инспектора брали „на сжатые кулаки“.

Завидѣвъ „начало“, прячутся учителя. Разъ въ годъ, только разъ въ годъ покорные питомцы „системы“ дѣлаются непокорными. Инспекторъ, директоръ—все равно. Вотъ вскинули на воздухъ нелюбимаго классика. Вскинули высоко и—разбѣжались. И печальное и отвратительное зрѣлище.

Вотъ, отмахиваясь зонтикомъ, бѣжитъ отъ подвыпившихъ гимназистовъ „самъ“. Чтобы не уронить своего достоинства, онъ старается выступать солидно и выбрасываетъ ногами круто, какъ призовой рысакъ. Но у самой дачи онъ вдругъ сробѣлъ и побѣжалъ.

Поймали. Грузно вскинулось тѣло директора. Нѣтъ сомнѣнiя, что упадетъ онъ на „кулаки“. Вотъ онъ повернулся въ воздухъ и летитъ на поднятыя руки выпуклымъ животомъ. А вотъ, прихрамывая, бредутъ два гренадера: историкъ и математикъ. На спинахъ вицмундиры разодраны на-двое, на лицѣ ссадины.

Поздно вечеромъ расходятся гимназисты.

IX.

Послѣднiй годъ.—Впечатлѣнiя.—Весенняя подготовка.—Экзамены.—
Къ университету.—Заключенiе.

Послѣднiй годъ! Какъ звучитъ это мягко и зазывно! Послѣднiй годъ,—это значитъ, что придетъ новая весна, и я буду новымъ человѣкомъ, далекимъ отъ сѣрой форменной блузы, отъ форменнаго пальто, отъ фуражекъ съ вѣточками, именуемыхъ „кепи“, отъ латинскаго и греческаго языковъ, отъ математики и сморщеннаго, желтаго инспекторскаго лица... Придетъ весна,—и я не буду слышать:

— Въ кар-церъ! Безъ ужина! Безъ матраца!—Не буду выслушивать грубой ругани, издѣвательствъ, насмѣшекъ... Я никогда больше не войду въ двери гимназiи...

Но прежде чѣмъ достигнуть свободы, предстояло пройти сквозь строй всевозможныхъ „испытанiй“. Ужъ многое написано объ этихъ экзаменахъ; дѣлались затѣмъ и извѣстныя

„послабленія“ и опять шли назадъ, въ нашу же жестокою эпоху всевозможныя „испытанія“ были въ самомъ цвѣту. Испытаній набиралось такъ много, что къ концу ихъ отъ и безъ того нежирнаго классическаго гимназиста оставались буквально кости да кожа.

Я забылъ теперь точное число тѣхъ экзаменовъ, которымъ мы подверглись въ свое время при выпускѣ изъ гимназій, а пересчитать число ихъ вновь по программѣ, каюсь, недостаетъ силъ. Кажется, испытаній было около двухъ дюжинъ. Первая дюжина была „письменная“, вторая — „устная“. При всей своей антипатіи къ тѣмъ и другимъ экзаменамъ долженъ все же отдать нѣкоторое предпочтеніе „испытаніямъ“ письменнымъ: сидишь все-таки за столомъ, есть время подумать, „физиономіи“ хотя и навѣдываются, но въ общемъ находятся далеко.

Когда же на „устномъ“ вытянуть сажени на двѣ зеленый столъ да усядутся со свѣтлыми пуговицами въ линіи „сычи“ и на лицѣ у нѣкоторыхъ такъ и блеститъ желаніе „подковырнуть“, — тутъ на забитаго и задерганнаго гимназиста нападаетъ такая жуть, что всѣ синусы и котангенсы обращаются въ какой-то липкій блинъ.

И чего-чего только ни выдѣлывали воспитанники изъ чувства самосохраненія! Я не говорю ужъ о томъ, что имѣть „подстрочникъ“ или другое „пособіе“ ставилось чуть ли не въ обязанность всякаго „порядочнаго гимназиста“; что обмануть бдительность „цербера“ считалось чуть ли не отпущеніемъ грѣховъ; въ памяти благодарнаго ученичества были живы имена многихъ „сподвижниковъ“, изобрѣвшихъ новые способы къ „облегченію“ экзаменовъ или пожертвовавшихъ, во благо потомства, свои сочиненія на разныя темы *).

*) Сочиненія эти переписывались обладателями ихъ, при совпаденіи темы, почти слово въ слово, и такъ шло изъ года въ годъ.

„Независимо сего“, — какъ любилъ выражаться нашъ директоръ, — для успѣха въ экзаменахъ практиковались надписи на программахъ, на рукавахъ, на ногтяхъ, на ладоняхъ. И однако идти подъ глаза „сычей“ бывало настолько страшно, что многіе пили валеріановыя капли или завязывали себѣ зубы, чтобы „экзакуція“ продолжалась возможно меньше.

Должно быть, даже начальство признавало особую серьезность выпускныхъ экзаменовъ: для пансіонеровъ - восьмиклассниковъ отводилась на время подготовки особая комната. Слыла молва, что комната эта во время оно была „неприкосновенна“: будто бы воспитатель не имѣлъ права не только ревизовать ее, но даже въ ней и появляться; далѣе, подготавливавшіеся восьмиклассники могли не являться по звонку къ чаю, освобождались отъ вечерней и утренней молитвъ... Въ мое время отъ всей этой „свободы“ существовали лишь печальныя воспоминанія; воспитанники, правда, поговаривали о томъ, чтобы не приходиться на общія молитвы, но стоило лишь появиться воспитателю и сказать:

— Господа, на молитву! —

И всѣ уныло-медленно шли на зовъ.

Однако и въ наши суровыя времена эта эпоха подготовки была достаточно интересна.

Надо припомнить, что въ это время обыкновенно бывала весна. Выпускные уже не ходили на занятія, всѣ остальные гимназисты еще учились.

Помню. Прозвенѣлъ звонокъ. Внизу послышался шумъ. Одѣваются. Сидя во второмъ этажѣ, мы слушаемъ этотъ гулъ съ удовольствіемъ: скоро уйдутъ. Вотъ легкое пререканіе съ воспитателемъ на почвѣ „калошнаго топота“. Чу, рывкнула дверь. То швейцаръ выпускаетъ „барановъ“. Опять стукъ. Дверь захлопнулась. Тихо. Во всемъ пансіонѣ, не считая служителей, мы одни. Нѣтъ дядекъ, нѣтъ воспитателя.

Чудесно! Какое-то тонкое ощущение тихой радости наплывает на душу.

Одни из товарищей пьютъ чай; другіе уже читаютъ, разлегшись на постеляхъ пансіонскихъ спаленъ. Вотъ кто-то, мелкорослый, умѣстился въ окнѣ и гудитъ надъ книжкой. Болѣе беззаботные что-то напѣваютъ. Мы одни.

Горячо весеннее солнце. Не хочется сидѣть въ комнатахъ. Накинувъ въ швейцарской свое ватное пальто*), мы выходимъ во дворъ. Пальто, разумѣется, не отъ холода: куда, — двадцать градусовъ жары. Мы пользуемся пальто какъ подстилкой, чтобы улечься съ книгой „въ тѣни акацій“. На деревьяхъ юная зелень, по вѣтвямъ перелетываютъ голуби, задорно кричатъ воробы... Такъ не хочется читать книги! Такъ и смотрѣлъ бы на яркое, молодое весеннее небо съ тающими въ высотѣ бѣлоснѣжными тучками... А тутъ: „квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катетовъ“. Небо, — и какая-то гипотенуза!.. Однако нельзя думать о небѣ... надо думать обязательно объ этой чудовищной гипотенузѣ.

Нѣжно свѣшиваются къ лицу задумчивыя вѣтви радующейся липы. Зачѣмъ я обязанъ знать, что при восклицаніи ставится по латыни винительный падежъ, а не знаю, какъ растутъ чудесныя липы и какъ оплодотворяются блѣдныя чашечки сонныхъ лепестковъ?

Лѣниво кружится надъ книгой шаловливая бабочка. Она ищетъ мѣста, чтобы сѣсть и отдохнуть, кружится надъ зяющей алгеброй и словно не рѣшается присѣсть къ этимъ мертвымъ теоремамъ. Вотъ она сѣла — и сейчасъ же торопливо, точно сознавъ свою ошибку, летитъ прочь. Знаешь ли ты, какъ не хочется заниматься алгеброй, милая бабочка?..

*) Лѣтнихъ пансіонеровъ не давалось.

„Тангенсъ С, котангенсъ D“... Вотъ изъ деревяннаго ящичка осторожно выползаетъ экономовскій кроликъ. Онъ очень умно складываетъ свои длинныя ушки и дѣльно поглядываетъ вокругъ. Вотъ онъ подползаетъ, обнюхиваетъ руки. Онъ хочетъ ѣсть.

А что онъ ѣстъ? Ей-Богу, не знаю. Я не знаю ничего, кромѣ того, что покрыто плѣсенью тысячелѣтій, того, что мнѣ нужно знать еще только какихъ-нибудь два мѣсяца... Какъ живетъ кроликъ, чѣмъ живетъ? Каково у него кровообращеніе? Не знаю. Да что тамъ кровообращеніе кролика!.. Я не знаю точно, какъ живу я самъ, самъ, здѣсь лежащій и читающій алгебру. Я знаю, что у меня есть сердце, потому что сердце мое замираетъ передъ уроками математики; а какъ живетъ и какъ дѣйствуетъ это сердце, — нѣтъ, не знаю. Меня не учили. Если сейчасъ этотъ малышъ, сынъ каптенармуса, упадетъ съ лѣстницы, на которой балуется, и сломаетъ себѣ ногу, я окажусь при немъ бесполезенъ, какъ дерево. Мальчикъ истечетъ на моихъ глазахъ кровью, умретъ, а я буду только метаться и кричать. Зато я знаю наизусть латинскіе предлоги.

— Мальчикъ умеръ! Почему вы не помогли во-время?

— Потому что я знаю наизусть латинскіе предлоги. Я знаю только это! Слышите ли тамъ, вы?!

— „А“ координируетъ, „Б“ субординируетъ...

— Что вы бормочете, Петровъ?

— Жарко.

— Противно!

— Жарко и противно. Прощайте.

— „Алкивиадъ былъ богатъ и знатенъ“...

— Бросьте это, Сокольскій.

- Нѣтъ, что же... Ужъ надо...
 — Право, бросьте. Пойдемте лучше водки выпьемъ.
 — Жарко.
 — Да будетъ, не ломайтесь. Пашка досталъ зубровку. Знаете, черезъ соломинку... Уговорилъ?
 — Идемте.

Съ улицы слабо доносится трескъ экипажей. Всего вѣдь одна стѣна,—и на свободѣ. Стѣна бы не бѣда,—но на плечахъ цѣлый ворохъ книгъ: теоремы, аксіомы, переводы... Надо обязательно перешагнуть черезъ нихъ, иначе передъ глазами вырастетъ другая стѣна. Съ высоты льется невинная пѣсня. Жаворонокъ, какъ ты сюда попалъ? Зачѣмъ? Ты не ошибся? Видѣлъ ли ты нашъ старый деревенскій домъ, пролеталъ ли надъ ветхими избами русскаго мужика? Это не ты пѣлъ ему пѣсню надъ его „осминникомъ“? Не ты рассказъ, какъ умеръ отъ голоду Власъ Горюновъ? Нѣтъ, объ этомъ въ нашихъ книжкахъ ничего не написано. „Дальше Гоголя не иди!“—вотъ „руководящія“ слова. Я вижу передъ собой надменное лицо директора. Директоръ быстро размахиваетъ изъ стороны въ сторону указательнымъ пальцемъ и говоритъ:

— Дальше Гоголя не иди!

Эхъ, и въ самомъ дѣлѣ не пойти ли потянуть черезъ соломинку...

Вотъ посреди двора, на кучѣ щебня, сидитъ, шуря подслѣповатые глаза, „ночной капралъ“. Онъ все время словно къ чему-то прислушивается и угрожающе постукиваетъ клюкой, неслышно что-то говоря. Намъ извѣстно, что недавно у него были убиты на заводѣ оба сына. Что слушаетъ и что шепчетъ несчастный капралъ? Вотъ вихляющими ша-

гами подходить къ капралу фельдшеръ. Видно, что ему тоже нечего дѣлать. И именно оттого, что ему нечего дѣлать, фельдшеръ дотрогивается рукою до лба капрала и потомъ шупаетъ ему пульсъ. Я подхожу.

— Англія!—говоритъ фельдшеръ.—Она всему злу корень. Я бы ее такъ тряхнулъ!..

Я отхожу: вещь извѣстная.

Съ площади „цейхгауза“ доносится гудѣнье. По скрипящимъ, еле живымъ деревяннымъ ступенямъ поднимаюсь я на терраску. Нѣсколько товарищей лежатъ за книжками на распростертыхъ по полу пальто.

— Тише, господа,—говоритъ кто-то.—Терраса жиблется. Я смотрю внизъ: высоты двѣ сажени! Терраска дѣйствительно покачивается. Какъ это мы еще цѣлы!

На слѣдующее утро я встаю въ два часа ночи. Какая это ночь!—Совсѣмъ свѣтло. Я открываю окно. Свѣжо, чудесно... Бѣгаетъ чуть замѣтный, лукаво-радостный, навѣвающій дрему и сладкую тоску вѣтерокъ. Такъ не хочется зубрить! Въ распахнутомъ окнѣ уже засѣли два товарища. Однако они не читаютъ. Что это? „Секретный разговоръ“. Смѣются. Я подхожу. Передъ глазами восьмиклассниковъ картина: на крыльцѣ цейхгауза спятъ подъ тулупомъ двое. Это служитель Проконій съ женою. Я отказываюсь передать тотъ разговоръ, который ведутъ гимназисты... Слишкомъ ужъ чисто на святомъ вешнемъ воздухѣ. Прошло десятка два лѣтъ, а онъ все еще точно струится по душѣ.

Идутъ экзамены. Мы пишемъ, списываемъ, стараемся позаимствоваться другъ отъ друга, чѣмъ нужно, для чего ско-

димся въ заранѣе условленныхъ мѣстахъ; бросаемъ другъ другу посредствомъ резинокъ „шпаргалки“... и всегда поражаетъ во всѣхъ экзаменахъ одно и то же: случайность, несообразность, бездоказательность.

Вотъ свалены письменные экзамены. Слава Богу, хоть половина позади. По этому случаю устраиваются пирушки; пьютъ много водки, но главное еще впереди.

Вотъ одно за другимъ проходятъ и устные испытанія: передъ началомъ трепещешь, во время отвѣта ненавидишь. Сидятъ такъ спокойно, смотрятъ въ глаза такъ холодно-безстрастно... Вотъ — смятеніе: идетъ окружный инспекторъ. Прыгаютъ на щекахъ сивые бачки, усмѣшка кривитъ сухія старческія губы. Сѣлъ. Протираетъ пенснэ.

— Не знаетъ! Не знаетъ!

— Нѣтъ, я знаю,—говорю я.—Я только спуталъ, потому что не спутать нельзя.

— Псссю...—презрительно шикаетъ инспекторъ.

Директоръ глядитъ на меня строго: можно ли такъ отвѣчать вышнему начальству?

Однако я дѣлаю надъ собой усиліе и припоминаю. Экзаменъ сходитъ благополучно.

Близится лѣто; а съ лѣтомъ растетъ и увѣренность: все кончится!.. Вотъ еще только два испытанія. Вотъ только одно. Кончилось послѣднее! Шатаясь, я выхожу изъ гимназіи.

Куда? Я не знаю. Да это и все равно. Нѣтъ больше гимназіи! Кто это? Ахъ, это тоже кончившіе! Что это они ѣдятъ? Мороженое? Хорошо, пусть будетъ мороженое. Что же изъ того, что сливки отзываются скипидаромъ: въ маленькомъ садикѣ такъ хорошо! Вотъ кто-то идетъ. Какое чудесное на этомъ чиновникѣ форменное пальто!

— Собирай, ребята, деньги,—командуетъ коротенькій Чу-

маковъ,—и чтобы никто и не смѣлъ думать меньше трешницы.

Что жъ, трешница, такъ трешница. Какія славныя пичужки! Неужели это простые воробы?..

Вотъ въ садовой бесѣдкѣ шипитъ насосъ. Толстая буфетчица наливаетъ въ кружки какой-то диковинный „лимонадъ“. Лимонадъ такъ и отзывается купоросомъ... Но неужели умрешь въ первый же день окончанія гимназіи?..

Зовутъ къ обѣду. Нѣтъ, куда! — развѣ можно обѣдать въ этотъ день?

Громадной толпой спускаемся мы къ рѣкѣ.

Вотъ нѣсколько лодокъ. Мы не торгуемся съ хозяиномъ. Кто можетъ теперь торговаться?

— Смотрите, не утоните,—добродушно говоритъ хозяинъ и улыбается.

Смѣшной старикъ! Кто пожелаетъ утонуть, окончивъ весь гимназическій курсъ?..

Около рулевыхъ — цѣлыя горы кульковъ съ бутылками, жестянками и хлѣбомъ. Кто-то сѣлъ на стаканы. Все равно. Отчаливаемъ. Вотъ мы на серединѣ рѣки. Будетъ пьянство,—это безобразно. Будутъ пѣть казарменные пѣсни, но—гимназія позади! У инспектора вдругъ стерлось лицо и между шей и форменной фуражкой—просто воздухъ,—какая-то невѣсомая пустота... Рѣка смѣется, рѣка лепечетъ. Зачѣмъ поють эти деревья, лодка и трава?

Въ памяти у меня еще только одно. Вотъ покончены всѣ формальности, мы ужъ навсегда внѣ гимназіи и пансіона и прощаемся съ начальствомъ. Навсегда!..

Мы стоимъ въ коридорѣ передъ актовой залой и ожида-

емъ прощальной рѣчи директора. Вотъ выходитъ онъ, важный, надутый, вицмундирный. За нимъ стоитъ Николай Петровичъ, письмоводитель гимназіи.

Директоръ останавливается прямо передъ нами. Для парада нацѣпилъ онъ на шею какой-то громадный крестъ.

— Вотъ вы кончили гимназію,—говоритъ онъ.—Радуюсь вашей радости, остальное скажетъ Николай Петровичъ.

Директоръ ушелъ.

Мы были настроены торжественно,—теперь мы смѣемся. И все? Бѣдный! Всѣ его бюрократическіе „горизонты“ сказались въ этой фразѣ.

Впрочемъ, можетъ быть директоръ былъ правъ. О чемъ говорить? Что могъ онъ сказать намъ? И мы ему и онъ намъ—были ли мы чѣмъ-либо инымъ, какъ только „входящими и исходящими нумерами?“ Что намъ Гекуба и что Гекубѣ до насъ? Тѣ, кто еще не былъ забитъ до потери сознанія, знали и безъ того, что отвѣты—не въ гимназіи, что отвѣты надо добывать самимъ. Впереди виднѣлся и путь: столицы, университеты. Грезилось что-то настоящее и одухотворенное; рассчитывалось и вѣрилось, что разъ пережитое не будетъ переживаться вновь и что все темное, злое, несправедливое и уродливое навсегда отошло въ область забвенія.

